

НАТАЛЬЯ МЕЛЁХИНА

Животинки из Паутинки

В деревне чувствуется особенно остро, что любая жизнь — это чудо, и всякая животинка заслуживает доброго слова.

Наталья Мелёхина

12+

84 (2Рос-4Вол)6

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА РУССКОГО СЕВЕРА

М47

НАТАЛЬЯ МЕЛЁХИНА

Животинки из Паутины

РАССКАЗЫ

Январской библиотеки
на берегу нашего
автора из Паутины.
15.04.2025 Н. Мелёхина

12+

107304

«Централизованная
библиотечная система»
Грязовецкого
муниципального округа

Вологда
Древности
Севера

2024

УДК 821.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)6-4
М47

Серия «Поэзия и проза Русского Севера»
выходит с 2023 года.

Художник *Надежда Леонтьева*.

Автор фото на фронтисписе *Михаил Трапезников*.

Мелёхина, Н. М.

М47 **Животинки из Паутинки : рассказы** / Наталья Мелёхина ; художник Надежда Леонтьева. — Вологда : Древности Севера, 2024. — 135 с. : ил. — (Поэзия и проза Русского Севера). — 12+
ISBN 978-5-93061-213-4

Сборник рассказов Натальи Мелёхиной посвящён родной деревне автора — Полтинино, которую в народе кратко зовут Полтинка, а произносят как Паутинка. Он включает два цикла «Животинки из Паутинки (заметки о животных)» и «Дашкины рассказы». Здесь собраны истории о самых разных обитателях как самой деревни, так и её окрестностей: воробьях, дроздах, мышах, ежах, коровах, собаках, котках и даже медведях.

Издание предназначено для семейного чтения.

УДК 821.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)6-4

ISBN 978-5-93061-213-4

© Мелехина Н. М., 2024
© Леонтьева Н. Г., иллюстрации, 2024
© Оформление. ООО «Древности Севера», 2024

И сердце неймёт

Цикл миниатюр «Животинки из Паутинки» возник совершенно неожиданно. Я писала посты в соцсетях о животных, за жизнью которых наблюдала в своей родной деревне. Читателям эти короткие заметки полюбились, причем они воспринимали их не как посты, а как маленькие рассказы, и многие просили издать их. Детские библиотекари, учителя и родители вместе с ребятами даже рисовали к ним картинки. Так что эта книга вышла в свет по заявкам читателей, за что огромное спасибо издательству «Древности Севера»!

Откуда взялось название «Животинки из Паутинки»? Что за Паутинка? В Грязовецком округе Вологодской области есть маленькая, но очень дорогая мне деревня Полтинино. В народе её зовут коротко — Полтинка. При этом в вологодском говоре звук «л» звучит по-особенному, как нечто среднее между «л», «у» и «в», так и получается Паутинка.

Название деревни связано с весенним разливом. Об этом рассказала Людмила Григорьевна Яцкевич — мой вузовский преподаватель, доктор филологических наук, профессор. Топоним «Полтинино» имеет праславянское происхождение. Лингвисты выяснили, изучив обширный праславянский материал, что индоевропейский

корень *rol- имел значение «широкий», «раскинувшийся». Существует большое количество славянских гидронимов с этим корнем *Polta, *Polť и связанных с ними *Рѣлť, *Рѣлта, *Рѣлто. Например, среди русских названий водоемов встречаются такие: Полтозеро — озеро в Шенкурском округе Архангельской области, Полтома — река в бассейне Пинеги, Пелть — ручей в бассейне Мегры.

Нашу крохотную речку Полтинку-Паутинку лингвисты тоже не забыли поставить в этот ряд. До коллективизации в ней купались, полоскали бельё, ловили рыбу. В её разливе находились боготы*: Бабий, Мужичий, Парнечий, Девичий, Ключик, Ржавчик. С появлением колхоза в Полтинине поставили ферму, телятник, зерносушилку, конюшню. Требовалось много воды, чтобы поить скот. Тогда на реке соорудили запруду — Дамбу — и поставили водокачку. Боготы сделались одним целым, часть леса затопило. С этого момента река начала мелеть.

Зато сама Дамба получилась на славу! Будто маленькое лесное озеро с прозрачной чистой водой, в которой жили не только щуки и караси, но и мелкая ручьевая форель. Даже мне ещё посчастливилось видеть её в детские годы. Здесь купались, катались на лодках и плотах, поили скот,

* Богот (диал.) — изолированная часть реки, омут.

полоскали бельё, по берегам находились колхозные гряды с капустой и парники с огурцами.

Затем постепенно в Полтинке закрыли магазин, медпункт, клуб. Нарушили* ферму, телятник, конюшню. На 17 декабря 1926 года в Паутинке насчитывалось двадцать дворов и жили семьдесят два человека. Сегодня в деревне четыре постоянно жилых дома, а нас, полтининцев, осталось семь человек. Однако, кроме людей, в нашей сельской округе есть и другие жители: собаки, кошки, мыши, лисы, зайцы, медведи, выдры — и вот о них-то и рассказывает цикл миниатюр «Животинки из Паутинки».

Во второй части книги опубликованы рассказы о маленькой девочке Дашке. Меня часто спрашивают, являются ли эти рассказы автобиографическими. Трудно ответить на этот вопрос: отчасти — да, а отчасти — нет. Я «подарила» Дашке реальные истории из моего детства, но сама героиня этих рассказов по характеру, поведению и складу личности на меня не похожа, образ этот собирательный. Для меня гораздо важнее автобиографических мотивов то, что в рассказах про Дашку я использовала фольклорные сюжеты и сказки родной деревни.

Взять, к примеру, Мазегу из одноименного рассказа — это не просто всем известный водяной, а могущественный царь всех колодцев. Взрослые

* Нарушили (диал.) — уничтожили.

пугали им ребятню: мол, если будешь заглядывать под крышку колодца, Мазега рассердится, что за ним подсматривают, схватит и навеки вечные утащит в своё царство. Девчонок он забирает в невесты, а мальчишек — в работники. Понятно, что эта байка использовалась взрослыми в качестве своеобразного предостережения из неписаного деревенского свода «техники безопасности». Цель страшилки благая: чтоб дети из любопытства не совали своей нос, куда не следует, не свалились в ледяную колодезную воду и не утонули. Однако зачастую предостережение это действовало вовсе не так, как рассчитывали родители и бабушки с дедушками. Ребятня начинала бурно интересоваться: где Мазега живёт, что он ест, как он выглядит? Взрослые обычно не отвечали, чтобы не потакать опасному любопытству, и так рождалась на свет сказочная тайна, а вместе с ней — простор для детских фантазий. Я сама в детстве, пока взрослые не видят, любила открыть крышку колодца и заглянуть внутрь в надежде хоть краешком глаза подсмотреть за таинственной жизнью царя Мазеги.

Фольклор нашей сельской округи богат на такие уникальные сюжеты и образы, которые нигде больше не встречаются. Например, есть легенда про колдуна Ивана Жару: он якобы умел насылать страшный зной и бедственную засуху как раз тогда, когда накатывались колосья будущего хлеба,

и, чтобы откупиться от него и вырастить урожай, крестьяне каждый раз платили ему выкуп.

Удивительно интересен утраченный цикл сказок про немого добряка-пастуха Калю. Этот цикл существовал в полустихотворной, полупесенной форме. Перед каждой сказкой пропевалось:

*По реке да по Комёле
Едет Каля на корове,
Поварёнкой парусит,
Сопелька у носу висит.*

Я сожалею, что никому не пришло в голову записать эти сказки в том виде, в каком они бытовали в народе, передаваясь из уст в уста.

Несмотря на то, что я обращаюсь к сказочным мотивам и часто пишу про животных, я не считаю себя детским прозаиком: для этого нужно иметь особый склад характера, мышления, мировосприятия. Детским писателем можно только родиться, им нельзя стать, этому нельзя научиться. Однако у меня есть тексты, которые можно классифицировать как «рассказы для семейного чтения». В конце концов, я ведь тоже когда-то была маленькой...

В детстве, когда мои родители или бабушка рассказывали, что в нашей деревне работали клуб, магазин, библиотека, кружевная артель — всё это казалось сказкой про тридевятое царство. Не то чтобы я была сильно недоверчива, всему виной

упрямые цифры: я же видела, что в тридевятом царстве нас, полтининцев, осталось очень-очень мало. И вот тут, словно о невидимый камень на дне Полтинки-реки, спотыкаешься о вопрос: а почему? Нет-нет, я знаю, что историки, демографы, социологи могут всё объяснить. И есть исследования о коллективизации, урбанизации, мелиорации... Но все эти «-ции» и все цифры — такая забавная штука! Они то могущественны, как диктатор, то бессильны, как сирота-пастушок перед расстрельной командой. Ум понимает, да сердце неймёт — так говорили в деревнях.

Я — потомок полтининцев. И вот дали мне две цифры — 72 и 7. Что делать мне с ними? На комод ли поставить рядом с портретом деда, закопать ли в ил на месте бывшей реки? Мои деревни уходят в небытие тихо и незаметно для большого мира — так тихо, как умирают забытые внуками бабушки и дедушки в ветхих избах. И вместе с ними пропадает что-то очень важное. Что-то, о чём было спето на сельских вечеринках, рассказано в сказках про пастуха Калю, сыграно на сцене деревенского клуба, увидено на весенней заре на берегу речного разлива. Что-то такое, что теперь останется лишь мифом в памяти вчерашних детей, что-то такое, перед чем и ум бессилён, и сердце неймёт.

Наталья Мелёхина

Животинки из Паутинки (ЗАМЕТКИ О ЖИВОТНЫХ)

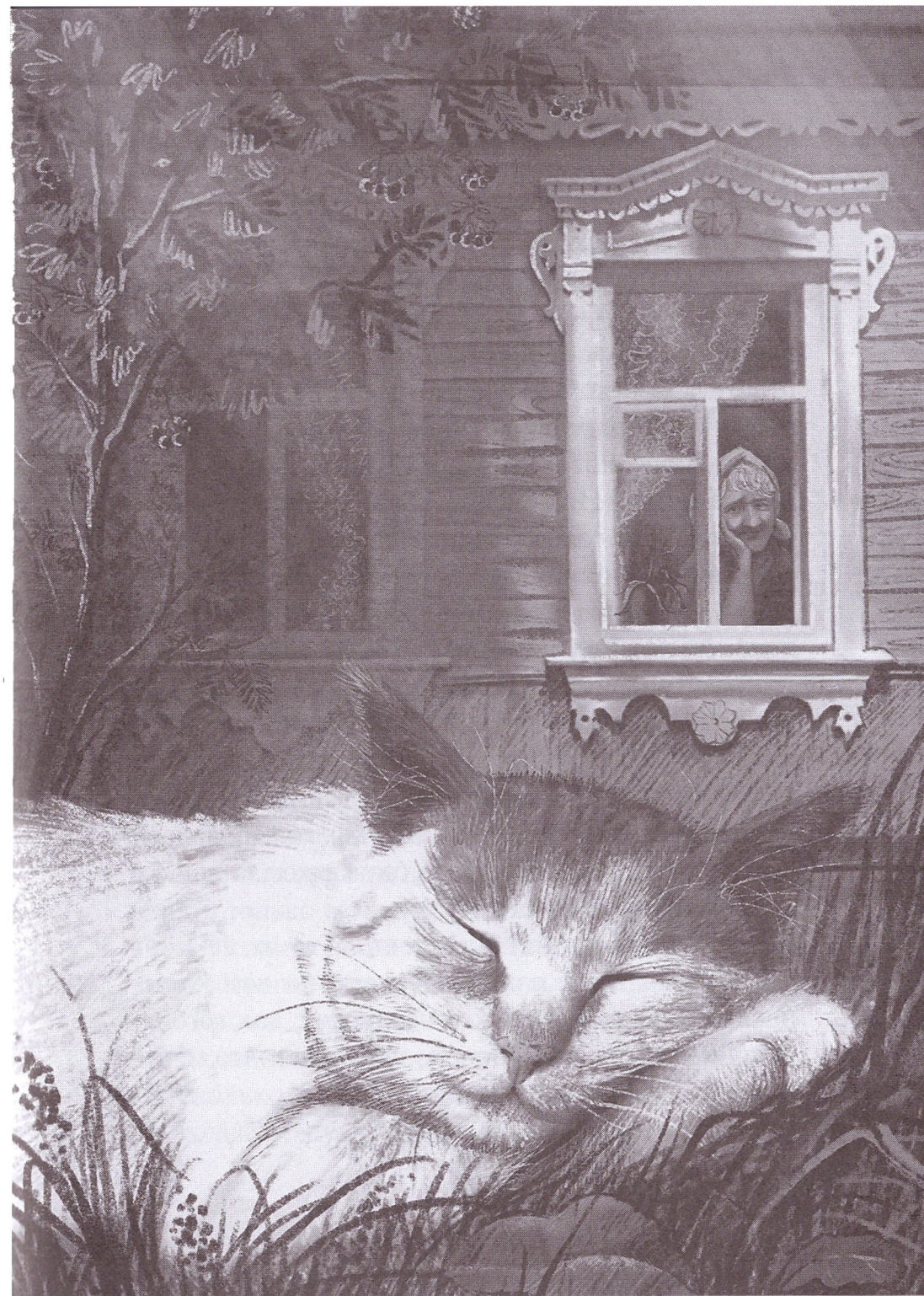
Гогона и надолоба

Недавно один молодой человек спросил меня, зачем сохранять диалекты: «Над теми, кто окает, люди смеются. Может, лучше с детства от вологодского говора отучать?»»

И тут мне вспомнился недавний случай. У нас в деревне Полтино, которую в народе кратко зовут Полтинка, а произносят как Паутинка, живёт кот Рыжик. Три года назад его выбросили дачники, но не из нашей деревни, а какие-то чужаки, проезжавшие мимо Паутинки на машине. Они сделали это специально подальше от их дома, чтобы котик не нашел обратную дорогу. Обычная история: каждую осень постоянные жители в деревнях берут на себя заботы о чьих-то живых игрушках.

Бродяга-кот получил тот же статус, что некогда вологодские пастухи, которые ночевали и столовались поочерёдно у всех владельцев скота в деревне, переходя из избы в избы. Только вместо коров и овец Рыжик «пасёт» мышей, отрабатывая своё содержание. Недавно пришла очередь нашей избы, и «мышиный пастух», налакавшись молока, устроился подремать на солнцепёке под окном.

Моя мама, потомственная крестьянка, глядя на Рыжика из окна, произнесла: «Кот лежит,

как гогонá». На мои вопросы, кто такой гогона, мама сначала пыталась ответить. Однако передать значение «гогоны» — это всё равно, что ловить ветер в сѣти. Гогона — это не красивый, не сытый и не ленивый. Гогона — это всё вместе: красивый, сытый и ленивый, но есть ещё «пятый элемент» — тот оттенок смысла, которому нет соответствия в нормативном языке. Устав от моих расспросов, мама привела последний аргумент: «Мать моя так говорила, и её мать, прабабушка наша Евдокия Ивановна. Что ты, как надолоба?!» Подсказка: надолоба — это назойливый человек, чаще всего ребёнок.

Тут мне представилось, как сидят у окна моя прабабушка Евдокия Ивановна, и моя бабушка Мария Дмитриевна, и моя мама Елена Евгеньевна, а вокруг бегают дети нашего рода — внуки и правнуки — и галдят, как надолобы, а на солнце-пёке разлѣгся рыжий кот, как гогона. И похоже, это тот самый кот, что в вологодских колыбельных, спетых с протяжным «о», зыбку качает за кринку молока да кусок пирога.

Ну а что касается диалектов, то их не имеют лишь мёртвые языки. Не поют на нём колыбельных надолобам, и кот не мурчит, как гогона, и не смеётся над нами никто, потому что это мёртвые языки мёртвых народов.

Улыбнитесь: вылетит птичка!

В своей деревне мы обустроили для птах зимнюю столовую. Казалось бы, ничего особенного, подумаешь, птички! Ну летают, ну чирикают, ну клюют семечки... Ан нет! Наблюдение за их повседневной жизнью интереснее многих телесериалов.

Оказывается, в нашей воробьиной стае тоже есть распределение «профессий». Так, среди наших полтининских воробьёв обращают на себя внимание два молодых смельчака. Это «разведчики». Если положить в кормушку какое-нибудь птичье лакомство и спрятаться, чтобы не смущать крылатых, именно «разведчики» прилетят первыми. Они оценят обстановку на предмет безопасности и только потом громким условным «чик-чик-чирик» призовут своих товарищей. В кормушку сначала влетает вожак — пушистый и важный «директор» стаи. Вслед за ним, очевидно, его «супруга» — изящная и немного капризная воробыха, которая любит выбирать только самые крупные семечки подсолнечника. И никто не смеет отнять их у неё! И только затем к трапезе приступают остальные воробьи.

Кроме чирикающей братии, постоянные клиенты столовой — синицы. Они знают, во сколько дважды в день (утром и вечером) мы кладем еду в кормушки, и, если это время

пропустить, синицы сами напомним. Они начинают показательно суетиться под окном или садятся на подоконник, если, по их мнению, «официанты» уж слишком запаздывают.

Однажды моя мама поутру сильно занята была домашними хлопотами, и синицы ужасно переживали, что про их завтрак забыли. Когда мама вышла за водой на колодец, одна из желтогрудых кинулась к ней, как к родной, и едва ли не села на плечо. Словно поторопливала: «Елена Евгеньевна, очень кушать хочется! Поторопись, кормилица ты наша!» Она сопровождала «хозяйку» столовой и до колодца, и обратно и старалась всем своим видом показать, что готова к приёму пищи. Разумеется, мама тут же вынесла синицам угощение.

Мама начинает кормить птичек осенью задолго до выпадения снега и продолжает до поздней весны, до тех пор, пока они сами не отказываются от посещений кормушки. За это время птицы так привыкают к своей хозяйке, что летом, когда мама занята прополкой огорода, без страха и стеснения садятся прямо у её рук, так что при желании мама запросто могла бы взять в ладонь любого крылатого полтининца. Они показательно прямо при ней уничтожают жучков и козявок, как бы «отрабатывая» зимнее содержание. Правда, иногда и вредят: в холодные весенние дни раскапывают только что посаженные семена.

Помимо малышей, синичек и воробьёв, снегирей и поползней, птичью столовую навещают и крупные едоки — дятлы и сойки. Дятлы особенно любят лакомиться салом. Один из них живёт не в лесу, а в самой Паутинке. Он занял старую заброшенную избу и, судя по всему, ночует в печной трубе, потому что перья его всегда изрядно вымазаны самой обыкновенной печной сажей. «Эх, сосед Дятлов, экий ты замазуля! Умываться надо перед едой!» — ругает его мой старший брат. А соек ругает мама: называет их «злыми тётушками» за то, что они обижают воробьёв и синиц, прогоняют их от кормушки.

Однако есть от соек и польза: это благодаря им в окрестностях нашей деревни появились дубы. Когда-то дубов в лесах вокруг Паутинки не росло — ни одного на всю округу! Появились они сначала в огородах, как некая экзотическая диковинка. Например, моя бабушка Маня вырастила дуб из жёлудя ещё в 80-х годах прошлого века, а ныне этот великан поднял кудрявую крону выше нашего дома!

Осенью пируют на нём сойки, и, наверное, на своём птичьем языке благодарят мою бабушку, теперь уже покойную, за плодовитое дерево. Они таскают с ветвей спелые жёлуди и делают из них запасы на зиму — прячут под опавшие листья в окрестных лесах. Не все свои тайники они

успевают опустошить за осень и зиму, и забытые жёлуди превращаются в молодые дубки. Как-то я насчитала больше двадцати молоденьких дубов в одном крохотном перелеске за Паутинкой — всю эту рощу сойки-лесники посадили!

Но главная плата за питание с крылатых едоков — это всё же весёлое чириканье и теньканье, перестук и свист да озорная суeta под окнами. В деревенской жизни не всё измеряется хозяйственной пользой. Не зря же писал наш земляк поэт Александр Яшин:

*Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.*

Поверьте: без песен весной ну никак нельзя!

Воробышка Тишка

Из окна нашей столовой в деревне сейчас можно наблюдать сценки, напоминающие передачу «В мире животных». У колодца поселился вылеток воробья. Кто такой вылеток? Это почти взрослый птенец. Он уже размером со взрослую птичку, но тем не менее пока ещё не умеет летать.

Я назвала этого воробышку Тишка, потому что большую часть времени он тихо-тихо сидит между камней бордюра, прячется и ждёт родителей. Но, видимо, там среди камушков становится холодно, и время от времени Тишка смешно и неуклюже вспархивает на крышку колодца, где греется на солнышке. Это пока его первые тренировочные полёты. Очень любит пристроиться между садовыми фигурками цыплят, мол, ребята, я свой! Пробует Тишка сидеть на головах у гномов, уморительно падает, но не прекращает попыток. По очереди летают к нему родители. Сначала я не могла понять, что такое взрослый воробей ему носит? Что-то белое и плоское, похожее на сплющенное зерно. Оказалось, мама специально для птичек в заулке вытряхнула из мешка остатки овсяных хлопьев, из которых обычно варят кашу для наших охотничьих собак. Так что наш Тишка — хороший мальчик (или девочка?): кушает овсянку,

107304

не капризничает, слушается своих маму и папу. Вот только он пока не в силах заглотить большую хлёпушку целиком. Родитель сначала дробит угощение в клюве, а потом сыпает крошево в розовый рот птенца, как в кулёк.

В меню у Тишки присутствует также рисовая и пшённая каша. Её выставляют на улицу в миске для общедеревенского кота Рыжика. Он постарел, потерял почти все зубы и по утрам съедает немного каши на завтрак. Остальное достаётся птицам, а Рыжик дожидается обеда: теперь по старости ему мелко-мелко режут мясо или куриную грудку, дают варёной рыбы или варёной колбасы. Бывает, сидишь в зауке*, а кошачью миску с кашей облепили со всех сторон воробьи, суется, спорят, а толстяк-Рыжик лишь лениво за ними наблюдает с видом барина... Тишке этого барина точно не стоит бояться.

* Заук (диал.) — местное произношение слова «заулок».

Дразнятся дрозды

Сегодня обрезала гроздья нежинской рябины на зиму. В лесу в этом году ягод мало, и дрозды-рябинники атакуют деревню. Я срезаю нежно-оранжевые кисти, а они сидят на тополях и так громко кричат, будто меня ругают: «Жадина! Жадина! Нам оставь хоть немножечко!»

Падают ягоды, как янтарные бусины. Жаль их дроздам. Я им отвечаю: «Я оставила бы вам, птички, но тогда вы всё съедите прямо сейчас, а что станете делать зимой, когда кругом ляжет снег, когда не будет совсем никаких ягод, когда все жучки-букашки попрячутся? Вот тогда я и развешаю для вас эти вот самые грозди у кормушки».

Мне самой рябины уже не надо. Варенье из яблок и нежинских ягод мама сварила. Оно разлито в банки, и будто свет исходит изнутри, с той стороны стекла, от оранжевых ягод и оранжевых яблок. Банки стоят на полках в погребе, как диковинные волшебные фонари. В них светится летнее солнце, законсервированное на зиму впрок.

«Ни к чему мне уже ваша рябина!» — говорю я. Но дрозды не верят и меня не слушают. Кроме того, в Вологодской области они не зимуют (по крайней мере, у нас в деревне), хотя эти птицы могут вести и оседлый образ жизни, если хватает

корма. На зиму рябинники улетают на юг и запад Европы, а возвращаются к концу апреля. «Жадина, жадина», — дразнят меня дрозды.

«Эх, вы! — говорю я им. — Эгоисты! Только о себе и думаете! А о свиристелях подумали? А о снегирях? Вы улетите, а им здесь зимовать!» Но не слушают меня наглые птички, продолжают ругать на своём птичьём языке и прогонять прочь, как настоящего садового вредителя...

Переполох в клубничнике

Переполох в клубничнике! Вор пойман на месте преступления!

Приметы: дерзок и колюч, прехорошенькие лапки, чёрный носик. Фыркал и огрызался. Очевидно, дальний потомок легендарного разбойника Ежа Ивановича.

Ёж Иванович был принесён папой из лесу в те незапамятные времена, когда меня ещё и на свете-то не было. Родители приняли его как дорогого гостя и по деревенскому обычаю поселили в доме, чтоб мышей ловил.

Все ежи — знатные мышеловы, поэтому раньше, если в деревне не водились ежи, их специально приносили из лесу. Кроме того, ежи очень ловко уничтожают гадюк. Колючие создания мало восприимчивы к змеиному яду. Это наши северные Рикки-Тикки-Тави. Кстати, на ежей также слабее, чем на многих животных, действуют такие яды, как мышьяк, сулема, опиум и даже синильная кислота. В общем, очень полезные в хозяйстве животные. Но вредные по характеру.

Коварный Ёж Иванович презлым заплатил моей семье за предобрейшее. Родители кормили его молоком и мясом, но Ёж Иванович охотился не только на мышей, но и на цыплят, однажды

уничтожив весь выводок, кроме одного несчастного птенчика, которого папа успел у Ежа Ивановича выхватить из пасти.

Но и это ещё не всё! Ёж Иванович укусил моего брата за большой палец ноги, когда тот спал. После этого разбойника с позором отселили в огород. Там он нашёл себе подругу жизни и размножился. Потомство его распространилось по всему Полтинину.

Встречи с Ежом Ивановичем, его детками и внуками не всегда были приятны. Так, однажды папа растянул на огороде рыболовные сети, чтобы просушить их и почистить. А в это время ежиха выгуливала ежат. Поскольку от сетей пахло рыбой, выводок решил проверить, а не осталось ли в ячее какого-нибудь позабытого там ерша. И ежи в поисках ершей дружно всем выводком запутались в сетях. Вот вам когда-нибудь приходилось выпутывать ежа из рыболовной сети? Изощрённая пытка! Это в фильмах ёжики сворачиваются в клубок и смиренно ждут своей участи, в жизни они очень больно кусаются вдобавок ко всем своим иголкам. После ежиной рыбалки ни один ёж и ни один ёрш не пострадал, а вот люди оказались исколоты, как подушечки для иголок.

Полтининский ёж — зверь разбойный и вороватый под стать своему предку. Тот, что попался

среди ягод, воровал, конечно, не клубнику. Каждый день он ходит поест от пуза из собачьих и кошачьих мисок. Наведывается и к поросётам. Ежиный ежедневный маршрут пролегает через клубничник, где и обнаружил воровайку пятилетний Тимка, мой племянник. Так и встретились потомки двух семей, ежиной и человеческой.

Тимка обрадовался и позвал других детей и взрослых. Ёж немного испугался, но потом освоился и, не обращая на нас внимания, бесстыдно при всём честном народе стал принимать клубничные ванны, катаясь по ягодам. Фрукты и ягоды в небольших количествах всеядные ежи тоже употребляют, но больше всего они любят в них кататься, а вернее, шаркают во фруктовой массе сначала один бочок, потом другой, на спинку ежи переворачивать не умеют.

Особенно им нравятся косметические процедуры в кислых подгнивших яблоках. Дело в том, что фруктовая кислота помогает ежам избавиться от паразитов, живущих в иголках. Знаете известную детскую картинку, где ёж несёт яблоко на колючках? Действительно, после таких ванн на спинке ежа иногда можно увидеть остатки плодов. Во время яблочных купаний нам уже не раз доводилось наблюдать ежей в нашем саду, а вот во время клубничных — впервые.

Остаётся только добавить, что ежи и сами деликатес. Вкусны и питательны, входят в рацион некоторых северных народов. Но мы нашего вора есть не стали. Сфоткали и оставили там, где нашли — купаться в клубнике. Всё-таки Ежа Ивановича дальний внучок. Хоть и разбойный был у него пращур, но не чужой нам.

Наташа vs Бега

Мама испекла в русской печке пирог с малиной, мой любимый. На следующий день он делается ещё вкуснее: сок пропитывает тесто, сахар на корочке становится карамельной глазурью, пирожок подсыхает и приятно хрустит. Но, к сожалению, у меня есть конкурентка — лайка по кличке Бега. Она тоже любит пирожки с малиной, а мама любит Бегу и отлично знает её вкусы.

Бега — злюка и вреднюка, но мама этого не знает, потому что Бега мастерски прикидывается для неё (и только для неё!) доброй и ласковой собачкой, на которую зря наговаривают злые люди. Нет, это не Бега лает по ночам на всю деревню. Нет, это не она охотится втихаря на кошек. Нет, это не она дерёт огромных кобелей до шрамов. Всё наветы, зависть, наговоры! Лаял Карат. Или Айна. Или Ямал. Но точно не она, не Бега! Рыжий кот сам залез на верхушку берёзы. Бега не знает зачем. Может, он в альпинисты готовился? Бега оч-чень переживала, как Рыжик спустится обратно! Потому-то и стояла под берёзой, задрал морду вверх. Шрамы у других собак? Какие шрамы? Она же девочка! Бега никогда не дерётся! Наоборот, это её все обижают! Она всего лишь милая и нежная собачка, которая бескорыстно

любит маму... и пирожки. И вот остались последние два кусочка. С малиной! Вчерашние! Я пью вечерний чай, и на последние два кусика у меня большие и чистые планы. Приходит мама, забирает их с тарелки и спрашивает меня:

— Ты будешь ещё пирог с малиной? Или я Веге отдам?

Не успеваю я ответить «да, буду» или хотя бы покивать головой, как мама задумчиво отвечает сама себе:

— Конечно, нет. Ну как же Наташка их будет, если я их сейчас собаке скормлю?

И уносит мои сладкие сочные малиновые кусики этой несносной кусаке! А я даже сказать ничего не успеваю!

В честь Пика

Жил-был в моём деревенском детстве мышонок Фомка. Я его сама поймала. Ну как сама... Кот Васька поймал, а я у него отобрала. Васька вообще сильно от меня настрадался: он то тигром в зоопарке работал, то пограничной собакой служил, то вот добычи лишился.

Отобрать у кота мышонка мне захотелось не просто так. Всё дело в том, что в первом классе наша учительница Татьяна Михайловна прочитала нам на продлёнке рассказ Виталия Бианки «Мышонок Пик». Напомню, что в этой истории злой братец поймал полёвку и хотел убить, а добрая сестрица догадалась, как Пика от мальчишки спасти: дети пускали кораблики, вот она и предложила устроить мышонка пассажиром на борт и пустить по волнам. В длинном путешествии много Пик пережил приключений и страданий, но закончилось всё хорошо. В честь этого храброго мышонка я и не позволила Ваське задавить Фому.

Васька, естественно, остался недоволен, долго потом со мной не мурлыкал — не разговаривал, но зато спасённый Фома был на меня не в обиде. Мирно спал себе в ящике под зеркалом. Я ему там устроила гнездо из тряпочек и ваты. Фомка очень почему-то любил рис. Может, в прошлой жизни

он был и не мышонок вовсе, а какой-нибудь важный китайский сановник. Или вьетнамский охотник на слонов из племени мнонгов (даже само слово «мнонг» значит «охотник на слонов»), или индийский йог, или японский поэт, а может, король Камбоджи — и там тоже рис почитают, как у нас хлеб. Дашь Фомке мисочку риса, а он аккуратно, уважительно берёт по рисинке двумя лапками и с наслаждением вкушает, как будто не в коробке под зеркалом сидит, а за царским столом. Другое какое угощение всегда могло оставаться недокушанным-недогрызенным (подозреваю, что Фомку я перекормливала), но вот только не рис!

Мы с Фомкой дружили. Он ездил у меня на плече, не убегая, играл со мной (катал мне деревянную катушку из-под ниток: я — ему, он — мне, веселье!). Мыши — это ведь вам не безмозглые хомяки, у них интеллект сопоставим с собачьим.

Но Фомку всё-таки пришлось отпустить на волю. Во-первых, он сам как-то страдал и печалился, всё-таки он был гордым диким мышом, возможно, королём Камбоджи в прошлой жизни, а не просто декоративным питомцем из зоомагазина. Во-вторых, очень уж мама у меня грызунов боится. В общем, простились мы с Фомкой, обнялись на прощание, и выпустила я его в заулке. Он тут же скрылся под поленницей, только хвостиком на прощание махнул, и больше я его никогда не видела.

Виноват Пушкин

Утром в деревне котёнок Мурашка и мой племянник Миша не могут разлепить глаз от дремоты и после завтрака в обнимочку ещё «догоняют» хотя бы полчаса сна на диване в столовой. Укатали парней крутые горки, вечерние гуляночки да ночные прогулочки.

А поручений на Мишку от его отца ой как много на день сыплется: овинник выкосить, канаву ливневую прокопать, с собаками погулять, рыбу закоптить, за малиной сходить... Мишка вроде бы и слушает, а вроде бы и спит. Брат смеётся. Так и вспомнишь частушку:

*Меня тятя не ругал,
Что я ночку прогулял.
Я — чернявый, он — седой,
Но и он был молодой.*

Я вот в юности из-за вечерних гуляночек и ночных прогулочек не то что рыбу, а и всю коптилку сожгла, а виноват во всём Пушкин. Да-да! Александр Сергеевич — жаркое и ослепительное солнце русской поэзии.

Дело было в июне, самый разгар сессии на филфаке. Впереди экзамен — литература первой половины XIX века, а преподаватель — про-

фессор Сергей Юрьевич Баранов. Легендарный вологодский филолог, лекции которого студенты обычно не прогуливают, да и экзамены ему стараются сдать вовсе не ради оценок в дипломе. «Почему?» — спрашивают те, кто у него не учился. Как односложно ответить, не знаю, но точно не потому, что мы были пай-мальчиками и пай-девочками. Дело вообще не в нас.

Попробую объяснить на конкретных примерах.

Когда мы изучали «Пиковую даму», Сергей Юрьевич объяснил нам правила картёжных игр той эпохи, чтобы мы понимали, откуда взялось знаменитое «тройка — семёрка — туз». Мы играли в карты прямо на лекции, текст Пушкина в буквальном смысле «прощупывали» изнутри, чтоб «тройка цвела... в образе пышного грандифлора, семёрка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком».

Есть вещи, которые нельзя объяснить словами, но можно интонацией, настроением, жестами и тем, что веками живёт и дышит в гениальных произведениях между строк. Однажды Сергей Юрьевич вёл с нами беседу о природе поэтического прозрения. Скажем, Рэмбо написал свой «Пьяный корабль» в семнадцать лет, ни разу до этого не побывав в дальних плаваниях, и предсказал в этом тексте свою судьбу. Как же такое возможно?

Вместо пространных рассуждений на эту тему Сергей Юрьевич прочитал нам юношеское стихотворение Михаила Лермонтова «Ангел». Помните, как там сказано о душе: «И звуков небес заменить не могли/Ей скучные песни земли»? Отзвучала в аудитории последняя строка, и повисла тишина, а в ней таким же звенящим прозрением: поэту не обязательно иметь за плечами груз прожитых лет, «скучные песни земли», — у него уже и в юности есть опыт слушать «звуки небес». Ни тогда, ни сейчас нам не требовалось проговаривать эти мысли вслух. А зачем? Всё и так только что было сказано самим «Ангелом».

Сергею Юрьевичу и предстояло в понедельник отвечать на экзамене, но прежде необходимо было сдать «филологический минимум»: стихи Пушкина, Лермонтова и ряда других поэтов наизусть. Опозориться перед ним не хотелось. А я ведь тоже паинькой в юности не была. В субботу мы устраивали рокерскую вечерину, а в воскресенье в деревне выдалась такая жаркая и сухая погода, что сенокосили мы с самого-самого раннего утра.

Добралась я до книжек только к вечеру. Проверять у меня стихи классиков, выученные наизусть, мужественно вызвался мой друг детства Женька Кизима, который, как и я, в эту ночь почти не спал и весь день тоже сенокосил.

Родители ушли на ферму, дав нам поручение: следить за огнём в печке-коптилке во дворе, где готовились рыба и сало, а также присматривать за коровами, которые паслись здесь же в загоне. Коптилку эту мой отец построил в виде кирпичной печки, спрятанной под землёй, у которой наружу выходил открытый сверху широкий короб-дымоход, куда в два уровня ставились решётки с продуктами для копчения. Мы, естественно, пообещали всё выполнить.

И вот я в своей комнате зубрю «Осень», а там необычайно подходящие к случаю строки:

*Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары,
да мухи.*

*Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем
от засухи...*

Жарища в комнате, как в Сахаре. Мухи и оводы за окном, забранным сеткой, жужжат и гудят, как толпа на рок-концерте. Спать хочется. Голова болит. Да ещё и Женька с недосыпу сердится: «Весь вечер одно стихотворение бубнить будем? Что ты всё мямлишь? Даже я уже выучил! „Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи“!»

Не знаю, в какой момент это произошло, но следующее, что я помню: мы с суровым

экзаменатором Женькой спим бочок к бочку на диване, а где-то за окном слышатся крики моих родителей:

— Коптилка горит! Коровы рыбу украли!

И это был не сон! Выскакиваем из комнаты на улицу. Коптилка полыхает огненным столпом, три наших коровы водят вокруг неё хороводы, и у каждой из рта торчат рыбы хвосты. Бурёнки любят солёное, и рыба, вымоченная в рассоле перед копчением, для них стала чем-то вроде деликатеса. Видимо, пока мы спали, наши питомцы, решив полакомиться, снимали рыбку за рыбкой с верхней решётки, но не проявили должной аккуратности, решётка упала вниз, увлекая за собой и ярус с салом. Свиной жир, как выяснилось в ходе этого коровьего эксперимента, отлично горит. Шикарная двухъярусная коптилка, которую построил мой отец своими руками, была уничтожена дотла.

— И кто?! Кто в этом всё виноват?! — потрясал папа перед нами, понурыми, горелым и погрызенным лещом.

— Дядь Миш, вот вы не поверите, а, ей-богу, Пушкин, — устало ответил Женька.

Коптилку мы с Женькой потом чинили вместе, а папа нам рассказывал поучительные истории из своей юности. Как они с мамой вдвоём ещё в школьном детстве дурачились и развалили козюх у русской печки (и я до сих пор гадаю, как дети,

не обладая чёрным поясом по каратэ, смогли разбить кирпичную кладку). Как однажды прогуляли всю короткую белую ночь на танцах, а утром мама помогала старшей сестре Лидёне на дойке, да и заснула под коровой, получив копытом под глаз. Как отец решил на святки переодеться в бабу, для пущего форсу надел капроновые чулки и обморозил себе бёдра... Что тут скажешь? Только спеть и остаётся:

*Меня тятя не ругал,
Что я ночку прогулял.
Я — чернявый, он — седой,
Но и он был молодой.*

Да ведь и Александр Сергеевич тоже был озорным и юным, почитайте-ка его биографию: найдёте в ней немало забавных и весёлых случаев. О многих из них нам и Сергей Юрьевич Баранов на лекциях рассказывал. Не зря же Марина Цветаева вопрошала с иронией: «Наших прадедов умора — Пушкин — в роли гувернёра?» В паиньках и он не значился, и строгого педагога, всегда готового следить за соблюдением правил и дисциплины, из него точно бы не получилось.

Цирк малиновый

Гриша приехал на малинник на мопеде. Это неожиданное средство передвижения по лесной просеке он выбрал из-за младшего сынишки.

Шестилетний Игнатка не отпускал отца ни на шаг. Между ним и главой семейства существовала вечная игра в «прятки-догоняшки»: Игнатка тщательно следил, чтобы отец не ушёл без него в лес, отец столь же тщательно скрывал от малыша свои планы.

Мальчишку совершенно не волновало, что поход походу рознь. На лёгкие лесные прогулки Гриша и сам с удовольствием водил не только троих своих сыновей, но и многочисленных племянников. И грибы с детворой собирал, и на тяге вальдшнепов выслушивал, и пескарей ловил. Но, в отличие от других деревенских ребят, Игнатке этого было мало. Худышке-пацанёнку хотелось и кабанов гонять, и на лабазах медведя поджидать, и за пятьдесят километров шлёпать по болоту за клюквой. Отцовские объяснения, что мал ещё и трудно будет, Игнатка пропускал мимо ушей. Не помогали и обещания, что в следующий раз они обязательно отправятся в лес вместе.

Если Гриша не брал Игнатку с собой, малец устраивал жуткие истерики и с рёвом бежал

за отцом по пятам до тех пор, пока не поймают мать, бабка или старшие братья.

Чтобы уберечь мальчонку от лишних расстройств, Гриша стремился уйти из дома так рано и так тихо, чтобы младший сын не проснулся. Сообщая жене, что пойдёт на охоту, по грибы-ягоды или на рыбалку, он тщательно осматривался: не услышит ли сын? Сборы превращались в секретную операцию. В обстановке строжайшей тайны жена и тёща готовили для Гриши бутерброды и наливали термос чая — только бы младший не уследил! Глава семейства собирал рюкзак и готовил оружие или удочки столь же осмотрительно, стараясь не привлечь внимания. Но часто в самый последний момент, когда Гриша уже стоял в дверях с рюкзаком за плечами, раздавался топот маленьких ножек и крик:

— Папа, папа, ты куда? Возьми меня с собой!

Гриша уважал в Игнатке беззаветную и страстную преданность лесу. Отец понимал, что сам же и передал сыну эту любовь вместе с генами нескольких поколений крестьянского рода: Гришин отец Александр был знатным охотником, и дед Яков тоже, и так до седьмого колена, до пращура Ильи. Уже сейчас Игнатка настолько походил в повадках и привычках на родимого батюшку, что у Гриши по-отцовски сладко ёкало сердце. Лес был для Игнатки любимой школой, а отец —

преподавателем лесной науки. Причём сынишка оказался не просто талантливым учеником, у Игнатки был дар от Бога понимать и чувствовать каждую травинку и зверушку, дерево и птицу. Вместе с отцом они удили окуней и уклейку, учились вытаскивать налимов из-под камней и находить в иле व्यюнков, сидели в засидке на уток, собирали для матери огромные букеты из васильков и ромашек. Пили воду из хрустальных лесных луж через пористые стебли гигля, как через коктейльную трубочку. Сооружали шалаши для ночёвки, а сколько перевидали зверей и птиц! Наблюдали, как ондатра мастерит столик из осоки, как выдра рыбачит, как белка лущит еловую шишку... Ну и как Игнатке после всех этих чудес остаться дома с мамкой да бабкой, когда отец в одиночку — без него! — отправлялся навстречу новым приключениям? Конечно, юный следопыт вёл за батей непрекращающуюся слежку.

Вот и вчера о походе на дальний малинник Гриша сообщил жене Таньке шёпотом, предварительно убедившись, что Игнатки нет рядом. Добираться до малинника предстояло по просеке. Три года назад мимо деревни проложили стратегически важную линию высоковольтных передач. Просеку сделали очень широкой, и до сих пор вдоль высоченных бетонных столбов сохранилась хорошо утрамбованная тракторная дорога. Путь был несложным, но долгим — около пятнадцати

километров. На дальнем малиннике росла любимая Танькина ягода — белая малина. За ней-то и собрался Гриша.

Он встал рано утром, но жара уже сейчас чувствовалась в избе. К полудню день обещал превратиться в настоящее пекло. Гриша наскоро выпил с Танькой чаю, поддел на плечо котомку с водой да хлебом, взял в руки ведро для ягод, и тут из комнаты выбежал Игнатка, полностью одетый и с пол-литровой банкой в руке.

— Папа, я с тобой за малиной! — решительно заявил он.

Танька охнула, всплеснув руками:

— Матерь Божья! Да как ты узнал-то, чадо? Уж мы так сторожились!

— А я видал, как бабушка с вечера ведро для папы мыла! Значит, с утра он с этим ведром за малиной пойдёт! — важно сообщил Игнатка и продемонстрировал банку. — А я банку ещё вчера помыл. В неё буду малину собирать и в ведро ссыпать.

— Шерлок Холмс, — хмыкнул отец и присел перед сыном на корточки, чтобы сравняться с ним в росте и говорить, как мужчина с мужчиной. — Игнат, пятнадцать километров пешком. Как пойдёшь? Ноги у тебя не доросли до таких дорог.

— А ты, папа, меня на шее вези, — не сдавался мальчишка, и голубые пуговицы-глазёнки блестя-

ли отвагой. — Сначала я сам пойду, а если ножки заболят, на тебе поеду.

— Ну хорошо, туда на мне доедешь. А обратно? Устанешь ведь ещё сильнее, а я тебя всю дорогу нести не смогу. У меня ведь ещё и малина будет.

— Я потихоньку. Пошагаю, пошагаю и дойду, — пообещал Игнатка.

Понял Гриша, что от попутчика ему не отвязаться, и задумался. По невыносимой жаре тащить с собой ребёнка так далеко было опасно.

— Вот что, Танюш, придётся, видно, мне пострелёнка с собой взять. Поеду-ка я на малинник на мопеде. Дорога ведь там до сих пор ровная, авось нигде не застрянем.

— Гриша, да как же на мопеде-то по лесу?! — подивилась Танька.

— Да проедем как-нибудь. Если что и завал где встретим, мопед оставим, а на обратном пути заберём, — успокоил Гриша и велел Игнатке: — Давай, ягодник, пей чай, а я пока мопед заправлю. Банку свою давай, сейчас мы на неё ручку из проволоки приладим, будет как ведёрко у тебя, а то без ручки худо посудину с собой на малинник брать. Ягоды можно просыпать. И не нить! А то сразу домой одного пешком отправлю.

Мальчик согласно кивнул, беспокоясь, как бы отец не передумал.

— Ох, ну и репей ты, Игнатка, — вздохнула Татьяна и повела сына завтракать.

Прогулка на мопеде оказалась лёгкой и приятной. Дорога была хоть и лесной, но очень уж широкой, поэтому даже за три года не осилил её вездесущий ивняк, не размыли дожди и сильные ветра не смогли завалить сучьями и ветхими деревьями. Местами, где работала тяжёлая техника, даже встречались участки, слегка подсыпанные песком вперемешку с гравием. На малинник отец и сын успели приехать до большой жары, причём прокатились с прохладным ветерком к большому удовольствию Игнатки.

Кусты с ягодами располагались в некотором отдалении от дорожной ленты на небольшой поляне, куда во время строительства высоковольтной линии бульдозерами сгребали вырубленные деревья, кусты и сучья. На этих завалах вперемешку с княжицей и черёмухой росла малина трёх сортов: мелкая и сладкая до приторности, крупная и влажная с соком, похожим на малиновую воду, и, наконец, самая драгоценная — белая, нежная и душистая, как мёд.

На одном из завалов высотой чуть ниже роста взрослого мужчины Гриша нашёл целое «месторождение» белой малины: два толстых еловых ствола лежали крест-накрест друг на друге, а вокруг клонились к коричневым сухим ветвям

изумрудные плети живого ягодника. Кусты вырастали из больших куч прелой хвои и перегнивающей древесины. Малина — белая, крупная — матово блестела, будто каждая ягодка светилась сама по себе изнутри, а снаружи мелкие росинки, ещё не успевшие высохнуть, янтарными искрами вспыхивали на солнце.

— Ну вот тебе, Игнатка, и фронт работ, — рассмеялся Гриша. Подхватил сына на руки и посадил на перекрестье еловых стволов. Мальчишка тут же устроился поудобнее, как птенец в гнезде.

— Я капитан на корабле! — обрадовался Игнатка и приложил ко лбу ладонь козырьком, высматривая воображаемые необитаемые острова.

— Ты малину собирай, капитан, — напутствовал отец. — Да смотри: пять горстей в банку, две ягоды — в рот. Не объешься, как в прошлом году, а то помнишь, как голова у тебя болела? Тут тебе, Игнатка, малины не на одну банку хватит. И крапивы нет. Не обожжешься. А как насобираешь — зови, приду, чтоб в ведро высыпать.

Гриша отошёл от сына чуть подальше и принялся собирать лесной урожай. В такие моменты он погружался в некое подобие медитации. Только руки работают, мысли в голове сначала ещё шевелятся лениво — надо бы и сенокос завершать, и в отпуск в колхозе попроситься, и Игнатка в этом году в первый класс пойдёт... Но по-

том куда-то все раздумья улетают, и нет уже их, и остаётся только пряный ягодный дух, да шум листвы, да Игнатка бормочет: «Один, два, три...» Мальчик тренировался в арифметике: как отец велел, отсчитывал пять горстей в банку, две ягоды — в рот. Он и правда сильно объелся малиной прошлым летом и не хотел повторения печального опыта в этом году.

Гриша работал споро, сынишка от отца не отставал, и вскоре они уже насобирали половину семилитрового ведра. Рвали только белую ягоду, для красной у них была запасена трехлитровая тарка, но это только на тот случай, если время и желание останется, главное — принести Татьяне редкой и драгоценной белой малины.

Вдруг Гриша услышал шум со стороны дороги: будто бы кто-то скрёб железными спицами по металлу. «Неужели кто-то пришёл на малинник да мопед решил угнать?! Как с мальчишкой домой пойду?» — подумалось Грише. Он велел Игнатке оставаться на месте и, оставив у елового завала ведро, запинаясь в переплетении малиновых ветвей, поспешил на просеку. А когда наконец выбежал на дорогу, то окаменел от изумления: у мопеда возился некрупный, молодой ещё совсем медведь. Зверь уронил неведомую «железяку» на землю и проверял её на прочность. Игривый мишук ещё совсем недавно был медвежонком и не утратил

детского любопытства, он хотел разобраться с незнакомым предметом и понять его предназначение. Когтистой лапой, отдалённо похожей на ладонь человека, он даже неловко крутанул ручку газа, и надо же так совпасть, что в это же время задняя лапа со всего медвежьего маха съездила по стартёру! Мопед с хорошо отрегулированным зажиганием коротко взревел, и в тон ему по-детски обиженно заревел испуганный косолапый. Он прыснул в сторону малинника с проворностью, приличествующей скорее зайцу, чем хозяину леса. Мопед заглох. Гриша едва успел прийти в себя от изумления, как в лесу раздался истошный Игнаткин крик.

«Господи, спаси! У меня же там Игнатка! Медведь на сына напал!» — Гриша бросился напролом, не чуя под собой ног, к еловому завалу. Ему навстречу выскочил плачущий сынишка, ткнулся в отцовские колени.

— Игнатка, медведь?! — Гриша подхватил малыша на руки.

— Папа, осы! — захлёбываясь в рыданиях, объяснил мальчишка. Под глазом у него набухла опухоль от укуса. — Ты ушёл, я с ёлок спрыгнул. Смотрю, за тополем пень, длинный такой, а на нём гнездышко... Я думал птенчиков посмотреть... А там — осы! И в спину укусили — прямо через рубашку! И летели за мной!

— Игнатка, так ведь птичье-то гнездо на осиное совсем не похоже! Ты что же это перепутал, ты ж у меня лесной житель! — Гриша так обрадовался, что виной Игнаткиных слёз стал вовсе не медведь, а всего лишь осиные укусы, что начал радостно целовать сына и тискать его, как щеночка.

— Папа, ты что? Ты же меня задавишь! — отбрыкивался Игнатка, от удивления он даже перестал плакать.

— Главное, не медведь, а укусы заживут. Это даже полезно, — успокоил Гриша. — Бог с ней с малиной, сколько насобирали — столько и ладно. Давай-ка, сынок, домой поедem.

Он отвёл сынишку к мопеду, осмотрел укусы, достал из мешка бутылку с водой, умыл Игнатку и дал ему напиться. Оставив ребёнка на дороге, Гриша вернулся за ведром с малиной. Он знал, что напуганный медведь к ревущему «чуду-юду» уже не вернётся, а вот брать мальчишку с собой на малинник больше не хотелось. Всё равно косолапый топтался где-то рядом, и кто знает, что на уме у зверя... Вокруг елового завала рассерженно вились потревоженные Игнаткой осы: одна из них спикировала на Гришину щеку и пребольно тяпнула. «Досталось отцу на орехи за проказы сына!» — Гриша все ещё был счастлив, что медведь не выскочил к Игнатке, и от укуса ему вдруг стало ещё веселей: схватил ведро и ринулся бегом из осинового царства!

Так с неполным ведром белой малины, да ещё и покусанные, отец с сыном вернулись домой. Гриша рассказал домашним и про медведя, и про осу, и про ягодное богатство. Танька и тёща испуганно охали и крестились, старшие сыновья жалели, что не пошли с отцом, а Игнатка, как узнал, кто мопед на просеке заводил, чуть вдруг опять не заплакал:

— Папа, что же это ты мне медведя не показал! Ведь он на мопеде, как в цирке, катался! Поехали завтра обратно, может, мишук опять за малиной придёт!

Захотела вся семья, а Гриша, когда на смеялся до колик, только и смог сказать:

— Ну, Игнатка, я-то думал, ты со мной в лес больше и не сунешься, а тебе ещё и медведя на мопеде поймай! Цирк с тобой малиновый!

Кошачий ОМОН

Не бывает двух одинаковых ёлочек под Новый год: каждая семья праздничное деревце наряжает по-своему. Но такой ёлки, как у моего брата Женьки, я ещё не видывала! Ёлка в его избе не стоит, а висит под потолком на верёвочках.

Деревня Паутинка окружена кольцом могучего леса. В вологодской тайге полно настоящих хвойных великанов, но Женька их не трогает. Каждый год он приносит домой еловый букет и формирует из веточек маленькую ёлочку — ровно такую, чтобы бечёвка выдержала. Деревце-букет качается в воздухе, как зелёный ёжик, который каким-то волшебством выучился летать. Придумать такое изобретение Женьку вынудили домашние питомцы.

У него пять кошек, причём это не те нежные пушистики, как на картинках из интернета, это пять диких зверей, закалённых жизнью в лесной деревне. Истребители крыс. Отряд «Альфа» кошачьего ОМОНа. Охотятся на всё, что движется, — от куриц и ящериц до свиристелей и белок. Умеют ловить рыбу в пруду. Ложатся брюшком на мостик у берега и терпеливо замирают, сосредоточенно рассматривая водную гладь. А потом — раз! — и на коготках, как на рыболовных крючках, уже блестит карасик.

Едят всё, и не потому, что брат их плохо кормит, а, так сказать, для порядка. Хрумкают даже шоколад. В Женькином доме нельзя оставить шоколадку в обёртке на столе, кошки утаскивают плитку на пол, расцарапывают фантик и фольгу и тихо делят плитку на пятерых. Могут съесть и печенье, а также сухари, сало, все овощи в сыром, варёном, пареном и жареном виде и, конечно, любое мясо и рыбу.

Ёлку в Женькиной избе ставить на пол нельзя. Кошки её сразу уронят и раздерут на мелкую хвою и веточки, а игрушки проворными лапками превратят в стеклянный порошок. Поэтому ёлка висит под потолком. Подарки для своих детишек Женька подвешивает под неё тоже на верёвочках. Кошки всё равно прыгают на деревце с телевизора и шкафа, но мой брат — тёртый калач. Он так рассчитал траекторию кошачьих полётов, чтобы кошки ни в коем случае до ёлки не долетали. Они падают на пол с жутким стуком и мявом, злые и обиженные. Зелёный ёжик висит, качается, игрушки заманчиво звенят и вертятся. Кошки Женьку с Новым годом принципиально не поздравляют...

К тому же брат накануне праздника отобрал у кошек свиристель, которую они с великим трудом поймали на калине. Дело было так: из леса в деревню прилетели свиристели, похожие на алые фонарики из-за красных пёрышек

на грудке. Птицы занялись своим любимым делом, то есть мелодично свистели, ели калину и рябину и радовали деревенских жителей своими песнями и нарядами. Женька тоже вышел полюбоваться и увидел такую картину: самая старая кошка Рыська засела под калиной в засаду. «Она превратилась в каменное изваяние! — рассказывал мне брат. — Не Рыська, а монумент Рыське. Потом резко вертикально прыгнула вверх и упала на землю уже с птичкой». Женька, естественно, свиститель отобрал и выпустил. Но ведь это для брата она красавица и услада очей, а для Рыськи просто еда. Ну и кто Женька после этого с кошачье-охотничьей точки зрения?

И кошки выдумали для Женьки наказание. Мой брат не выносит их мурлыканья. Вот они и дожидаются, когда он вернётся с работы в колхозе и заберётся на русскую печку отдохнуть. Тут же все пятеро пристраиваются рядышком к нему под бок и начинают мурлыкать хором. «Зачем тебе, хозяин, спасать свистителей? Мы же гораздо лучше поём!» — убеждают они Женьку. Подозреваю, они всё-таки его любят, но по-своему — по-кошачьи.

Коты-летуны (бухтина завиральная)

Разные бывают виды охоты: на медведя в берлоге, на лося на реву, на вальдшнепа на тяге, на рябчика с манком и на птицу с котом, но не с простым котом, а с летучим.

Это очень древний и мало известный в наши дни вид охоты. С котами-летунами ещё древнерусский князь Игорь охотился. Помните, как пели о бранях первых времён:

*Тогда пускались десять котов на стадо лебедей;
Чей кот долетал, того и песнь прежде пелась.*

Позже охота «с котом на лету» получила большое распространение у дворянского сословия. В каждой уважающей себя барской усадьбе был собственный котовник, в котором котов-летунов, к сожалению, сажали на цепь, чтобы не летали они в имения помещиков-соседей и не зорили там чужую птицу. Но иногда такое всё-таки случалось, и некогда добрые соседи вели долгие войны из-за досадных проделок летучих охотников.

Учёные-пушкинисты уверяют, что охотничий кот упоминается в истинном списке знаменитого стихотворения Александра Сергеевича:

*И днём, и ночью кот учёный
лает на цепи кругом...*

Первоначальный текст этого стихотворения был изменён после революции 1917 года. Тогда охота с котом на лету была объявлена буржуазной забавой, котовники разрушены, а все упоминания о них стёрты и из произведений классиков, и из памяти народной. Лишь в отдалённых и глухих деревнях сохранилось это искусство. Например, в нашем Полтинине.

Ох, нелегко воспитать летучего кота! Хозяин должен лично ловить для него мышей и разную мелкую птицу, носить его на ручках, купать в молоке... Тренировать котят к полётам начинают в самом раннем возрасте. Для этого хозяин с котёнком залезает на ель (именно на ель, а не берёзу и не на осину или ольху) и подкидывает будущего охотника на соседнее дерево. Постепенно расстояние между деревьями всё увеличивается, так что коты легко преодолевают в полёте до десяти и более километров. Чтобы приучить их возвращаться обратно на плечо хозяина, сначала охотник кладёт себе на место предполагаемой посадки кусочек мяса или привязывает кружку молока. Позднее поощрение можно убрать, потому что опытный котик садится на плечо после полёта и без угощения.

Охотятся с котом на лету на рябчиков, вальдшнепов, тетеревов, глухарей, а также на пушнину (куниц и белок). Правда, с водоплавающей дичью есть маленькая заминка: коты-летуны отказываются подавать добытую птицу из воды.

В течение года проводится большое количество состязаний, выставок, испытаний для охотничьих котов-летунов. У нашего кота-летуна Мурашки уже есть три золотых медали и два диплома первой степени по рябчику и тетереву. Однажды он добыл нам огромную жирную утку размером с избу. Всея деревней мы её неделю ели: жарили, парили, варили, ну и мёд-пиво пили, по усам текло, а в рот не попало.

Мэнсон и времена года

Лесные гости

В мою деревню зачастили лесные гости. Видимо, Паутинка окончательно попала в блокаду лесов и некошенных дремучих полей. А может быть, дело в погоде: слишком сыро в лесу, и животные выходят к людям. Так, в начале лета в огород к нашему соседу Валерию прибежала зайчиха на сносях. Оставила потомство прямо под нарядной беседкой и по заячьему обычаю была такова.

Кстати, про заячьи обычаи. Считается, что зайчихи — плохие матери, раз кидают своих детёнышей сразу после их появления на свет. Но это не так. Мать она прекрасная, и всё в её поведении логично. Длинноухие находятся в конце пищевой цепочки: у них ужасно много врагов! И зайчиха оставляет своих ребятишек, чтоб по её следам хищники не нашли драгоценное потомство. Мало того, она вовсе не бросает зайчаток на произвол судьбы, а искусно прячет их. Надо же догадаться — оставить их в огороде! Туда уж точно дикие хищники (и даже просто собаки) не сунутся, потому что человек не позволит такого самоуправства на своей земле. Зайчиха сытно кормит новорождённых деток перед своим уходом. Причём её молоко настолько жирное, что малыши

переваривают его три-четыре дня, а потом мать возвращается, чтобы снова накормить их. Если же попадутся на пути чужие зайчата, то заодно и их напоит молочком, а ведь даже у людей не всякая мать накормит чужих детей. Так что нечего нам, людям, зайцам морали читать: нам и самим есть чему у них поучиться, например, не делить детей на своих и чужих в час нужды.

Зайчата в огороде под беседкой росли не по дням, а по часам, и так им у нас в Паутинке понравилось, что когда они выросли, то отказались переселяться. Но Валерию пора было косить свой участок, а косые, прошу прощения за каламбур, имеют неприятную привычку путаться под косо́й (а также зимой обгрызать стволы яблонь). В общем, кое-как путём шантажа и уговоров отправили длинноухих во взрослую жизнь в лес.

Кроме зайцев, заходила к нам в деревню выдра. Она неспешно прогуливалась по улице, помехивая хвостом, и видно было, что ей, как и зайцам, очень у нас нравится. Особенно пруды, полные жирных, никем не пуганных карасей и лягушек. Но вот виляющий хвост её и подвёл. Наш котёнок Мэнсон по младости лет не знал, кто такая выдра, и решил, что эта забавная неведома зверушка с ним играет. В чём-то Мэнсон был, конечно, прав: выдры — животные очень игривые, спо-

ру нет! Но не тогда, когда им в хвост со всей дури вцепляются зубами и когтями. Выдра ведь тоже никогда таких наглых и кровожадных зверьков, как Мэнсон, доселе не видывала, поэтому сначала удивилась, а потом удира́ла от котёнка так, что только лапы засверкали. Мэнсон разочарованно бежал ей всле́д, и если б умел говорить, то, наверное, крикнул бы: «Вернись! Это была ошибка! Мы ещё подружимся!» Но выдра своим хвостом riskовать не пожелала даже ради дружбы.

Прораб

В выходные весьма прохладно и льёт дождь, поэтому котёнок почти не ходит гулять. Спит на печке. Старший брат говорит ему:

— Прогул тебе! Ишь, на работу не вышел!

Грозит котику пальцем. Я интересуюсь, когда и куда наш «юноша» успел трудоустроиться. Брат объясняет:

— Принят на стройку прорабом.

Это мои братья и племянники сейчас дружно строят гараж, а котёнок целыми днями рядом с ними крутится.

— А чего это такого мелкого и сразу прорабом взяли? — возмущаюсь я. — Не мал ли он для этой должности?

— Не, — говорит брат. — В самый раз. Бега-ет, орёт, за руки за ноги нас хватает. Толку от него

никакого. И сам не работает, и нам не даёт. Как обед — так своё мясо съест и наше из супа выпрашивает. А как дождь — так и спать на печку. Вылитый прораб. Такого только в начальники.

Что ж, при таком-то руководящем таланте со временем, может, наш котик и в депутаты пробьётся. Данные есть. И фотогеничный к тому же. Хоть сей момент печатай его портрет на билборд с лозунгом: «Вместе построим новое будущее!» И глаза такие честные-честные, и лапы работающие...

А в биографии пиарщики и политтехнологи потом напишут: «Имеет опыт работы прорабом, поднимал сёла Нечерноземья».

Теория относительности

Юный котик Мэнсон, ловкий охотник и ласковый убийца птичек и мышек, оказался трусом! Сегодня целое утро просидел в заулке под чёрной полиэтиленовой плёнкой, потому что боялся кота Рыжика. Рыжик — уличный кот. Он то дерёт Мэнсона смертным боем (когда ему не лень), то с презрением не замечает (когда лень). А вот Мэнсон боится Рыжика всегда. Даже из дому не выходит, когда Рыжик в заулке. Или, если встретились всё-таки там случайно, молниеносно и виртуозно прячется от него. Например, под чёрный полиэтилен, которым от дождя укрыта полен-

ница яблоневых дров. Вот так: для синичек и мышек Мэнсон — гроза, а для Рыжика — когтеточка. Всё в этом мире относительно.

Про перепёлочку

Котик Мэнсон отпраздновал наступление осени возвращением в родной дом. На лето он, как говорят у нас в деревне, «уходил бурлачить», то есть гулял сам по себе. Но реки замёрзли, хорошенькие кошечки спрятались по домам, птички улетели, мышки скрылись в норки, и Мэнсон вернулся. Весь в укусах, полученных в боях за любовь. Спит по двадцать пять часов в сутки (коты — знатные воры, лишний час он ворует у вечности). Делает короткие перерывы только на походы к миске. Требует глажки, внимания и заботы. Он же вернулся. Осчастливил. Ликует все!

В начале ноября Мэнсон вдруг затосковал и заболел: повредил лапу, хромает. То ли Рыжик-бродяга его подрал, то ли кто ещё. Кроме того, его любимый хозяин, мой племянник Мишка (из старшаков — так мои младшие племянники называют моих старших племянников), лежит в больнице, застудил ухо.

Мэнсон по нему тоскует, Мэнсон сам болеет, Мэнсон спит на его кровати по двадцать пять часов в сутки. Дошло до того, что сам пришёл ко мне на ручки гладиться (никогда такого не бывало).

Я спела ему песенку: «Как у перепёлки заболела лапка, бедная, бедная перепёлочка...» Мэнсон слушал и согласно подмурлыкивал: да, мурлычет, бедная эта перепёлочка, бедная, дайте, говорит, мне её в коготки, в здоровые лапы, тотчас пожалею...

Зимние песни

Котик Мэнсон холодам явно не рад, но в целом к зиме готов: шубку новую отрастил, газет на растопку на опечке насушил! Посмотришь на него, дремлющего на жаркой лежанке, и сразу вспомнишь бабушкину частушку:

*Хорошо тому живётся,
Кто записан в бедноту.
Есть на печку подаётся,
Как ленивому коту.*

Или потешку родной деревни. Она произносится речитативом, когда качаешь ребёнка на коленях в ритм словам:

*Сидит котя на окошке,
На свидание ждёт кошку.
А дома котятки на лавке,
Кошурки в печурке!
— А кто из вас старшой?
Да кто из вас меньшей?*

*— А мы все подрастём
И мышей ловить почнём,
Только дедушка-кот
Будет дома нас ждать,
На печке лежать,
Добычу считать!*

Можно и песенку спеть на стихи поэтессы
Галины Лебедевой:

*Без него нельзя никак
Разобрать портфель бумаг,
Прочитать газету
Эту вот и эту.
На плече у папы,
Подобравши лапы,
Кот не спит, всё щурится,
Труженик и умница.*

Правда, труженик и умница на минувшей неделе был не он, а его бабушка Мурлыка. Она двух мышат поймала и посреди кухни всем на обозрение добычу выложила. Смотрите, дескать, острые ещё мои старые когти! Хотя на самом деле куриную грудку ей уже режут на мелкусенькие кусочки, как котёнку: крупные трудно жевать старушке.

У внучка охота пока не задалась. Недавно его мышка обидела. Мэнсон караулил её в при-

хожей, мечтал, что поймает и подарит хозяевам на Новый год к праздничному застолью. Это была домовая землеройка, они часто на зиму прячутся от морозов в голбцы (голбцы — подполья с земляным полом).

Хитрый мышонок с длинным носиком (в деревне у нас их так и называют «долгоносики») выглядывал из щели между половицей и плинтусом. Глазками сверкал, носиком из стороны в сторону крутил. Мэнсон лапу в щель пытался засунуть: куда там! Лапа сильная, мускулистая, почти тигриная, не влезает! «Фырк-пи!» — говорил ему мышонок («Отвали, кот!»). «Р-р-мя!» — отвечал ему Мэнсон («Всё равно поймаю!»). Но у мышонка терпения оказалось больше. Не выдержал Мэнсон психологического поединка. Нервы у него отнюдь не тигриные. Как врезал лапой по половице с досады! И ушёл с горя на улицу гулять. А мышонок вылез, важно прошёлся по полу, поклонился зрителям и сказал: «Пи-фыр!» («Видали, как я его! Во псих!»).

Разочаровавшись в охоте, Мэнсон бездельничает: днём почивает, а как только темнеет, убегает на прогулку, чтобы затем около полуночи вернуться и с разбегу прыгать в окно (да-да, именно с разбегу, это важное условие). Когда я впервые сквозь сон услышала этот неповторимый звук удара кота о стекло, ужасу моему не было предела.

Предположения возникли такие: «Мой дом штурмует стая голодных зомби! Сотня оборотней в полнолуние пришла танцевать в наш заулочек! Деревню осадили полчища монголов и татар! Цыгане потеряли за околицей пьяного медведя, и он пришёл похмелиться!»

Вот такое эффектное и эффективное средство придумал Мэнсон, чтобы в полночь разбудить людишек. Ни один человек, естественно, не вынесет такого звука, любой проснувшийся тут же стремглав, теряя тапки, кинется открывать котику дверь.

Тут Мэнсон пулей влетает в дом, но в прихожей вспоминает, что надо бы тряхнуть от снега свою роскошную шубку. По неписаным кошачьим законам желательно сделать это на голые ноги только что проснувшегося человека. Да-да! Чтоб ледяные брызги, чтоб комочки снега летели в разные стороны, чтоб человек смешно вскрикивал. Для закрепления результата можно обтереть свои мокрые холодные бока о тёплые и сухие людские лодыжки.

Потом Мэнсон идёт к миске перекусить, потом в постельку. Мэнсон любит спать по-человечески, чтоб подушечка мяконькая, чтоб одеяльце пуховое, пледик клетчатый, чтоб бельё после стирки сушили бы на морозе под тополями ради свежего запаха. В общем, чтоб всё по-людски.

Он засыпает до следующего вечера, прерываясь только на завтрак, обед и ужин. Вечером снова идёт гулять, возвращаясь, штурмует окно, и так по кругу день за днём.

До свадьбы заживёт

Весна пришла: юный котик Мэнсон бегал на кошачьи дискотеки, получил первые в этом году раны в боях за любовь, повзрослел и окреп. Теперь он больше не хочет играть в мячик, не мечтает поймать снегиря у кормушки для птиц, не жалеет на ручки и прячется от надоедливых людишек в джунглях из тюльпанов, подаренных женщинам нашей семьи на 8 Марта. Во сне взмывает тревожно. Встаёт только на раздачу мяса и рыбы. Эх, бедняга! Вот и он познал тщету и суетность этого бренного мира. Под шёрсткой заживающие болячки, ухо — в кровь! Всё! Больше не дитя!

Гулять ходит и старая кошка Мурлыка. Про неё мама спела частушку:

*Старуха старая-престарая
Ходила с батогом,
Влюбилась в лейтенантика —
Забегала бегом.*

В эти выходные в деревне Мэнсон вернулся с прогулки, увидел, что я-таки дома, и прямиком

из дверей поспешно заскочил ко мне на колени. Начал что-то сбивчиво мурчать и подмякивать, будто пытался что-то важное рассказать, но не находил нужных слов на своём кошачьем языке и заикался от волнения. Отчаявшись донести до меня мысль, он от нетерпения и для убедительности даже начал впускать когти мне в колени, чего за ним раньше не водилось. К счастью, его «речь» мне «перевела» мама (мамы всё могут, даже с кошачьего на русский переводить).

Как только она начала синхронный «перевод», Мэнсон мурчать перестал, внимательно её слушал и, казалось, даже одобрительно кивал в ключевых моментах изложения событий. Мол, верно говорите, Елена Евгеньевна, верно, одобряю, продолжайте. Оказывается, в Паутинке в моё отсутствие состоялось ВЕЛИКОЕ КОТОВСКОЕ ПОБОИЩЕ! В его результате власть переменилась.

Помните, я рассказывала, как молодой Мэнсон боится старого общедеревенского кота Рыжика и даже гулять из-за этого не выходит? Так вот терпение Мэнсона лопнуло. Он-таки навалил кое-кому по наглой рыжей морде. И даже сумел вцепиться врагу в горло! После этого Мэнсон больше не боится Рыжика и ходит гулять, когда захочет. Но кажется, такой отваги Мэнсон и сам от себя не ожидал. До сих пор от ВЕЛИКОГО

КОТОВСКОГО ПОБОИЩА отойти не может. Наверное, ему стоит обратиться к хорошему психоаналитику.

У Мэнсона нос расцарапан крест-накрест, а у Рыжика — огромный укус на горле. Рыжику пришлось выдать рыбки для снятия стресса (он её больше любит, чем мясо). Ничего! До свадьбы заживёт.

Ничего особенного

Иногда меня спрашивают: за что ты любишь свою деревню? В ней нет ничего особенного! И хотя я, действительно, очень люблю свою Полтинку-Паутинку, я вынуждена согласиться с вопрошающими. Они совершенно правы: в ней нет абсолютно ничего особенного! Не простирается за околицей великая река, не пылают над озером закаты и рассветы, нет у нас ни могучего соснового бора, ни рубином горящего рябинового холма...

Однако с детства помню я одно стихотворение. Его читала нам, школьникам, моя первая учительница Татьяна Михайловна. Это был стих Николая Рыленкова. Я и сейчас помню его наизусть, потому что во время чтения перед моим мысленным взором тут же возникло родное Полтино:

*Всё в тающей дымке:
Холмы, перелески.
Здесь краски не яркие
И звуки не резки.*

*Здесь медленны реки,
Туманны озёра,
И всё ускользает
От беглого взора.*

*Здесь мало увидеть,
Здесь нужно всмотреться,
Чтоб ясной любовью
Наполнилось сердце.*

*Здесь мало услышать,
Здесь вслушаться нужно,
Чтоб в душу созвучья
Нахлынули дружно.*

*Чтоб вдруг отразили
Прозрачные воды
Всю прелесть застенчивой
Русской природы.*

Вот и на минувшей неделе деревня моя утопала «в тающей дымке»: выпал первый снег и прошли первые метели. Только успевай всматриваться и вслушиваться! Озимь за просёлочной дорогой на фоне тающей белизны стала ещё ярче, ещё зеленей. Ели в окрестных лесах, напротив, потускнели, потемнели, словно опечалились и задумались о грядущих морозах. А Дамба за Полтинкой вполне может сойти за озеро. Вода в ней сделалась прозрачной до самого дна, усталого старыми листьями и оседающими водорослями. Кажется, что вот-вот и появится над поверхностью водяной, вздохнёт, зевнёт, потянется перед тем, как залечь в зимнюю спячку.

И воробьи начали наступательную операцию вместе со снегами. Уже с утра они устроили настоящую революцию, поддержанную синицами. «Есть хотим! Есть хотим! Хлеба! Хлеба!» — чирикали и тенькали они на все голоса, так что немедленно пришлось подчиниться требованиям повстанцев и наполнить кормушку зерном и семечками.

Нет в моей деревне ничего особенного, кроме красоты, незаметно и щедро разлитой Богом везде и всюду.

Прогулка

Выглянуло солнце после затяжного дождя, и всё, бывшее серым, чёрным, коричневым, вдруг обрело свой истинный цвет: и листья увядающих деревьев оказались янтарными, искусно подсвеченными изнутри, и озимь зазеленела, и небо стало ясным, как синь сказочного моря, и мелкая рябь облаков плавно бежит по водоёму над моей головой.

Когда я смотрю на умытые солнцем озимые поля, я вижу ещё и грубые руки, поднимавшие пашню. Я вижу обветренные загорелые лица мужчин, благодаря которым тянутся ростки к облакам. Я знаю их имена — имена всех, кто весной и осенью ночи и дни проводят за рулём тракторов и комбайнов.

Я помню, что озимь поднимается в тех местах, где раньше стояли избы, где когда-то отмечали престольные праздники, где праздновали появление новорождённых и прощались с навеки усопшими. Великая война металла и дерева, не кончавшаяся весь прошлый век, продолжается и сейчас. Она истощила мой край, но не сердце народа.

Сердце-птица, этот наглый стреляный воробей, плещется в облаках, любителю зелёными полями, пьёт из чистейших луж на заброшенной

дороге, беспечно чирикает. Пёрышки его кажутся серыми под непрекращающимся дождём, но всё это лишь до того момента, пока не выглянет солнце. И вот тогда оказывается, что они алые и золотые, и не воробей это вовсе, а Жар-птица, и не чирикает она, а поёт голосом, от которого смолкают все иные звуки. Отрываясь от работы на огородах, поднимая лица от земли, каждый сельчанин сегодня заметит это странное безмолвие и тишину, этот янтарный свет, льющийся сверху.

Я плету этот пейзаж из слов, как птицелов плетёт сеть. Закидываю её в небо, но вытаскиваю старую кленовую листву, и смеётся надо мной, рассыпается в шелестящем хохоте осень.

Литература — это вечная погоня за словами, но я прощу всех, кто их не догнал.

И наоборот, от самых искусных речей, самых правильных, прекрасных, изящных, произнесённых хоть даже и языками ангельскими, но без любви, я отвернусь. Не нужен мне звон металла, кимвала и меди. Пусть лучше чирикает над озимью воробей, ждёт окончания дождя, чтобы обернуться Жар-птицей...

Вместо эпилога

Как-то раз довелось мне побывать на одной «фантастической» фотосессии: встаёшь на специальную разметку на полу, фотограф снимает тебя сверху, со стула, а потом — ап! чудеса фотомонтажа! — оказывается, что на печатном снимке ты стоишь на крыше небоскрёба в суперсовременном мегаполисе, должно быть, где-то в Нью-Йорке, а может, и в Гонконге.

Для меня это, пожалуй, единственная счастливая возможность сфоткаться где-то на крыше, потому что я дико боюсь высоты. В детстве на заброшенной зерносушилке тренировала себя не бояться. Почти получилось, но всё же я, потомок крестьян, больше люблю землю, где жили предки моей семьи и будут жить наши потомки.

Зерносушилка была нашим местным небоскрёбом. Сбежишь с уроков в школе в мае в солнечный день, когда невыносимо париться за партой, и укроешься на зерносушилке. А шифер такой горячий! А солнце такое ласковое! И пронизывает насквозь тепло и от крыши, и от лучей. С собой мы брали апельсиновый или мультифруктовый сок, болтали и загорали. Сейчас все механизмы зерносушилки разрезаны на чёрный металл, кирпич растащен на подсыпку дорог, а вернее, деревенского бездорожья.

А рядом развалины фермы. Её строили шефы — рабочие с Вологодского вагоноремонтного завода в 60-е годы. Столбы-опоры были бетонные, а пролёты между ними — деревянные. Парни-рабочие дружили с юными девушками-доярками. У моей мамы и её подружки Вали тоже имелись свои поклонники. На мокром бетоне опор однажды парни написали «Валя» и «Лена». Таким образом они увековечили имена возлюбленных в местной архитектуре. Ферма была самая современная по тем временам.

Придёшь сейчас к останкам сушилки и скотника, и грустно делается. Кто не знает истории моей деревни (а кто ж её знает-то, кроме нас, местных жителей?), тот вообще ничего особенного тут не увидит. Так... Мусор, бетонные плиты, заросшие малинником, да битый кирпич. Ни имён, ни фамилий, ни названий....

Мир стал совсем другой. Не склонный к сантиментам, не умеющий оглядываться в прошлое. «Будущее за высокими технологиями», — внушают нам. Уже сконструированы портативные летательные аппараты, которые могут заменить автомобили; «умные больничные койки», сами следящие за здоровьем больного; дома, самостоятельно регулирующие расход коммунальных ресурсов и охраняющие хозяина... Самые невообразимые чудеса техники, выдуманные

писателями-фантастами, становятся реальностью. Будущее — это власть техники, более всемогущей, чем её создатель-человек. К тому же следующий этап прогресса — это технологии, которые не только сами себя обслуживают и контролируют, но и сами себя создают и учат. Они уже сейчас в решении многих задач быстрее, умнее и точнее человека. Зачем им воробьи и синицы? Дубы и берёзы? Собаки и кошки? Коровы и лошади? И мы, люди? Зачем?

И вот тут вопрос: а у человеческого сердца, юного и смелого, есть будущее? Оно всё то же, и так же хочет счастья, свободы и любви. Это единственная высота, которая для некоторых из нас не достижима вовсе, а для некоторых — дана с рождения, как королевский титул, как умение не страшиться будущего, пусть даже и зависящего от высоких технологий.

ДАШКИНЫ РАССКАЗЫ

Дашкин каравай

Зимний день на Севере короток, но кажется он бесконечно длинным, если тебе, как Дашке, всего лишь пять лет и если ты целый день не знаешь, чем себя занять.

В садик Дашка не ходила, потому что садика в их деревне не было. Да и откуда ему взяться, если жилых двенадцать изб осталось, да и в тех одни старики? Кроме Дашки, детей в деревне не осталось. И вот мама ушла на смену на коровью ферму, отец со старшими братьями — в лес дрова рубить, но и ружьишко с собой захватили, попутно поохотиться. Осталась Дашка одна с бабушкой. Чем заниматься?

Уж она и на санках покататься сходилась, точнее, повозила их туда-сюда за собой по пустой деревенской улице, посадив на них пластмассовых зверушек: котиков, собачек, лисичек, зайчиков, медвежат. Везёт и поёт: «Тра-та-та! Тра-та-та! Мы везём с собой кота, чижику, собаку, петяку-забияку!»

Пусто в деревне, морозно, солнечно! Далеко разносится одинокий Дашкин голосок. Расслышал пение сосед дедушка Толя, отправившийся на колодец по воду, заругался. «Нельзя, Дашка, на улице горло драть! — говорит. — Простудишься

на морозе! Ангину схватишь! В медпункт далеко тебя родителям везти придётся».

А молча просто так санки по деревне возить неинтересно. Проведала тогда Дашка всех знакомых собак в деревне. У деда Толи — ласковая серая Пальма. Её и на цепь-то не садят, потому что такая никогда и никого не укусит. У бабушки Лены — крупный неповоротливый Бакс, лапы у него, как лопаты. Весь снег у будки изрыл. Молодой, не сидится ему на месте, всё чего-то копает. Не пёс, а чисто экскаватор! У деда Вени — Умка, похожая на овчарку, старая, даже слышит плохо. Зовёшь её: «Умка! Умка!» А она и голову не повернёт, даже если в двух шагах сидит.

Каждую собаку Дашка погладила и каждой принесла угощение — всем по корочке хлеба, а старушке Умке — мякоти хлебной кусочек. Своих собак, охотничьих, лаек, дома не было: их отец с братьями в лес с собой забрали. Дашка постояла у пустующих вольеров и побрела домой.

Дома она и телевизор смотрела, и рисовала в альбоме и в «разукрашках», и играла в охотников, и с дивана на кресло прыгала, и заставляла бабушку книжки вслух читать, и помогала ей ужин готовить, но всё без толку! Тянется и тянется зимний день, и нет ему конца и краю!

Наконец начали сгущаться сумерки. Они были для Дашки как добрые глашатаи

из фильмов-сказок: пришли сумерки, значит, и родные скоро вернутся! А ночей и темноты Дашка несколько не боялась. По ночам вся семья дома, включая отца, так какие ж тут могут быть страхи? К тому же родители иногда по вечерам ходили с ней на лыжах кататься под светом единственного на всю деревню уличного фонаря. И если ночь ясная, то заблестят звёзды на небе, просыплются снежными искорками вниз в сугробы и там заискрятся, зарумянится луна на чёрном фоне, что те румяный колобок на печном противне — красотища! И наконец-то, наконец-то закончится скучный одинокий день.

Вот и на этот раз лишь упали на деревню сумерки, послышался за околицей лай. Один — густой и низкий. «Это Тобол!» — узнала Дашка. Второй — высокий, звонкий. «Это Белка!» — обрадовалась она и побежала в прихожую к дверям. Вернулись из лесу отец и два старших брата. У всех чёрные волосы покрылись белым инеем, все трое высокие, широкоплечие, как богатыри, и пахнут хвоей да морозом. Сначала накормили собак. Показали Дашке и бабушке и тут же вынесли в сени сегодняшнюю добычу — куницу да белочку.

Бабушка и внуков, и зятя хвалит, на кухне хлопочет: надо мужикам ужин подавать! Помогает Дашка бабушке, чем может: ложки несёт, майонез

и горчицу на стол ставит, хлебный нож отцу подаёт. Самое интересное после ужина начинается.

Каждый вечер брат Игнаха приносит Дашке из лесу гостинец: то из-под снега горсть клюквы или брусники; то большое полотнище бересты, на котором рисовать и писать можно; то хвостик заячий, на помпон похожий; то шишки еловые, сосновые, кедровые, ольховые; то колючего шиповника вместе с ягодами веточку; то еловый букет, чтобы игрушками самодельными украшать, — много в лесу богатств! Ждёт не дождётся Дашка, когда Игнаха чай допьёт и из рюкзака сегодняшний гостинец достанет. И вот отставил брат чашку, говорит:

— Ой, Дашка, что я тебе сегодня принёс! Ни за что не угадаешь!

— Опять шишку? Опять хвост? Или ягоды? — гадает Дашка.

— Лучше! Послали тебе лесные жители каравай хлеба. Но ты уж не обессудь! Часть я отъел, проголодался на работе! Тебе три куска оставил, но зато на костре поджарил!

Достал Игнаха из огромного рюкзака пакетик, а в нём поджаренный на костре хлеб, а поверху — кусочки солёного сала.

— Передали они тебе, Дашка, с поклоном.

— Кто они? Какие бывают жители лесные? Смешные или страшные? — спрашивает Дашка.

— Перво-наперво белки, — начинает свой рассказ Игнаха. — Ведь как дело-то было. Увидел я двух белок, сидят на ёлке, шишки лущат, а в меня шелухой кидаются, смеются: «Экий Игнаха — дурачок! Мы наверху на ёлке сидим, а ему-то нас и не видно!» Ну, думаю, смейтесь-смейтесь! Хорошие из вас выйдут для Дашки белочки стельки в сапожки.

Вскинул я ружьё, прицелился, а белки мне и говорят человеческим голосом: «Не бей нас, Игнаха! Не губи! Что Дашке стельки в сапожки, уж лучше бы ей шапочку! Мы тебе покажем, где заяц прячется!» «Не верю я вам, вертихвостки!» — говорю я им. А они цыкают-уверяют: «Цы-цы-цы! Не бойся, Игнаха! Мы хоть и рыжие, но ведь не лисы, не обманем!»

И верно, не обманули. Указали на заячью лёжку — лежит он себе под корнями выворотня, под огромной-огромной осиной. Ни за что без чужой помощи его не найдёшь. Прицелился я в зайца, а длинноухий как задрожит! Аж выворотень весь затрясло! «Не губи, — говорит, — меня, Игнах! Почему всё время заяц крайний?! Вечно чуть что, так сразу меня на шапку! Ничего я тебе плохого не сделал! Да и Дашке лучше уж шубку пошить! Теплее ей будет. Расскажу я тебе, где лиса живёт, тем более, что она меня из родного дома выселила».

Сам пойти и показывать отказался, струсил, но на снегу лапкой путь-дорожку к лисьей норе нарисовал. Пошёл я для тебя, Дашка, шубку добывать. Пришёл к норе, а это, оказывается, и не нора вовсе, а избушка лубяная, та самая, из которой лиса зайца выгнала! Заглянул в окошко. Лисонька обряжается* у печи: кашу варит, курочку на противне запекает, каравай в печь ставит, а за столом на лавках сидят лисятки, песенки поют и ложками стучат. Заметили меня в окно, соскочили, под лавки забились.

Взмолилась лисонька: «Не губи, Игнаха, ни меня и ни моих детушек! Возьми в откуп каравай для Дашки! Не простой, а волшебный! Как съест она от него два куска, так вырастет на два вершка!» И вот, Даша, принёс я тебе волшебный хлебушек.

Дашка куски рассмотрела и говорит Игнахе:

— Вставай, Игнаха, давай! Иди к косяку! Ты же хлеб тоже ел! Давай, сначала тебя измерим, насколько ты вырос!

На дверном косяке у входа в кухню отец широким охотничьим ножом ставит зарубки, как дети его росли: прямые — эти старшего сына, Шурки, наискось — среднего, Игнахи, а треугольные отметки — это дочкыны, Дашкины.

* Обряжаться — выполнять ежедневный комплекс работ по дому и хозяйству, в том числе по уходу за скотиной.

Смеются все: и отец, и братья, и бабушка. Игнаха отнекивается:

— Ну что ты! Это ведь для тебя хлеб, я от него не вырасту, разве что вширь!

— Давай, Даша, чаю тебе налью, — говорит отец. — Попьёшь и до прихода мамы уже чуть-чуть подрастёшь! Тебя и измерим, на косяке вон новую метку вырежем, твою, треугольную.

Так они и сделали, как только мама с фермы вернулась. Обманула, правда, лиса: выросла Дашка с лета не на два вершка, а всего на один, ну так это ж известное дело: кто ж лисам верит, пусть и говорящим, все они до одной обманщицы.

Мазега

Дашка точно решила побывать в гостях у Мазеги. Ещё совсем недавно она даже не подозревала, что под землёй Паутинки скрывается целое Колодезное царство.

Дашке почти исполнилось шесть лет, и она знала поимённо всех своих соседей по деревне. В каждой из двенадцати изб жила-была бабушка, а у трёх бабушек даже были и дедушки. Ещё в деревне водились овцы, свинки, корова Звёздка (её держали Дашкины родители), собаки Умка, Пальма, Каштанка и Травка и много кошек — Мусек, Мурок, Васек и Барсиков.

В домах обитали домовые. Их Дашка представляла, как Кузю и Нафаню из известного мультфильма. В полях за Паутинкой поселились полевые. В Дашкином воображении это были существа, похожие на мышек-полёвок, причём они носили кафтанчики, сплетённые из сухой травы. Лесами вокруг Паутинки правил грозный Хозяин леса. Его истинного обличья никто не знал. Но Дашка не раз слышала его голос: Хозяин леса шумел и стонал при сильном ветре, что-то шуршал и нащёпывал при слабом, а зимой в ясные и солнечные дни предпочитал отмалчиваться.

Старший брат, семнадцатилетний Игнаха, объяснял часто болеющей Дашке, что в сильный мороз Хозяин леса бережёт горло, чтобы не простудиться, поэтому не разговаривает, и непременно советовал сестрёнке поступать по примеру старших.

— Так давай, Игнаха, ему мёду снесём? И варенья малинового, чтоб не болел, — заботилась сердобольная Дашка.

— Ты что! — махал руками Игнат. — Нам ли ему подарки носить! У него одних пчелиных роёв знаешь сколько! Помнишь, мы с отцом мёд приносили в сотах из дупла? Это всё из кладовых Хозяина леса.

Но всё же тайком от взрослых Дашка как-то летом отнесла упаковку аспирина, украденную из аптечки, в ближайший перелесок, начинающийся сразу за огородом. Она положила таблетки под лопух. «Ты, Хозяин леса, их на зиму спрячь!» — посоветовала она. Вокруг качались деревья, и Дашке казалась, что это Хозяин леса трясёт волосами-ветвями, согласно кивая.

Дашкин отец — дядя Гриша — в тот же день зашёл в перелесок за боровиками и аспирин под лопухом случайно обнаружил. Он осторожно поинтересовался у своей дочери, откуда он там. «Ума не приложу! — важно развела руками Дашка. — Но ты, папа, таблеточки не забирай.

Это Хозяину леса». Дядя Гриша только расхохотался, вспомнив Игнаткины наставления для сестры.

В Паутинке водился даже свой собственный Минотавр. Благодаря чудесам телевидения, он переехал в вологодскую деревушку прямо из античной Греции. Как-то вечером Дашка со своей родной бабушкой Маней пошла в гости к двоюродной бабушке Мане на посиделки. Там собрались все старушки деревни. Разговор за рукоделием, кружевами да вязанием у них затянулся, и любимую передачу «Спокойной ночи, малыши!» Дашке пришлось посмотреть в гостях. После недолгой беседы Хрюши и Степашки показывали мультфильм про то, как Тесей и его спутники, юноши и девушки, попали в лабиринт царя Миноса. Прекрасные и печальные пленники, беззащитные перед чудовищем, блуждали в каменных коридорах. Дашка тут же представила себя Тесеем, который обязательно всех спасёт.

После посиделок Дашка с родной бабушкой Маней возвращались домой по неосвещённой задремавшей деревне. Была поздняя осень. Рано темнело. Старая и малая брели медленно. Дашка-Тесей всё ещё мысленно вела за собой спасённых юношей и девушек через непроглядную тьму подземелья, и вдруг раздался громкий, похожий на бычий, рёв, и кто-то как выпрыгнул из темноты!

Оказалось, что это двоюродный Дашкин брат Димка пришёл в гости к бабуле с ночёвкой. Не застав её дома, отправился на посиделки и, заметив возвращавшихся бабушку и сестру, решил созоровать.

Спрятался за любимой Дмитриевой берёзой. Её так называли, потому что когда-то это дерево посадил Дашкин и Димкин прадед — тоже Дмитрий. Тихо сидел за именным деревом, а потом как выпрыгнул со свирепым боевым кличем к бабушке и сестре! Но они не оценили. Бабушка сильно ругалась. Причём особенно рассердилась на внука из-за того, что Дашка не заплакала.

«Ты зайкой её мог сделать! И меня вместе с ней! Посмотри, ребёнок окаменел весь!» — выговаривала бабуля. А четырнадцатилетний, по деревенским меркам уже совсем взрослый, Димка извинялся и сам по-детски чуть не плакал. «Ну не ругайся, бабуль... Да у нас сеструха такая, её вообще фиг чем испугаешь! Да она и не плачет у нас никогда. Орёт только, когда чего ей надо», — оправдывался он, обнимая Дашку за плечи.

Дашка же с тех пор верила, что за Дмитриевой берёзой прятался никакой не брат, а настоящий Минотавр. Чудовище точно живёт в их деревне, выходит бродить по ночам, и может всех обидеть — и маму, и папу, и бабушку, и братьев, и остальных. Как именно обидеть, было непонятно. Возможно, закружить, увести от дома и там

напасть в темноте и тишине, растоптать, забодать и съесть. «Я вырасту и убью его», — решила Дашка-Тесей. Но пока приходилось терпеть его присутствие. На всякий случай она попросила Димку и Игнаху сделать ей лук и стрелы и ещё короткий меч, как у Тесея. Братья с удовольствием изготовили для неё оружие. Им было не впервой. Они постоянно мастерили для сестрёнки какие-нибудь игрушки: тачанки, бульдозеры, а однажды сделали деревянный трактор такого размера, что пятилетняя Дашка могла свободно сидеть в нём за рулём. К «бамперу» крепились верёвочки. Братья впрягались в неё и таскали трактор по деревенской улице. Дашка рулила: передние колёса, позаимствованные от детского велосипеда, соединённые с «баранкой», поворачивали и вправо, и влево, и братья особенно гордились, что им удалось установить «передний привод».

Получив оружие, Дашка регулярно тренировалась, тайком оттачивая навыки стрельбы на бабушкиных курицах и овцах, а искусство фехтования — на старом репейнике.

Кроме Минотавра, в речке и на Дамбе жили водяные и русалки, но их Дашка убивать не собиралась, потому что никакой опасности для тех, кто умеет плавать, они не представляли, а плавала Дашка, воспитанная братьями, как рыбка. В крайнем случае можно было пнуть водяного в живот.

Живот у него, как известно, из мыльного пузыря и от пинка смешно лопаётся с брызгами и бульком. Игнаха хвастался, что он так много-много водяных лопнул как-то раз с папой на рыбалке.

Дашка потом просила Игната поймать ей маленькую русалочку. «Она у меня будет в банке трехлитровой жить. Ты не бойся! Я сама буду ухаживать», — обещала Дашка брату. Но тот сказал, что русалки хитрые и никак не ловятся. «Врёт!» — поняла Дашка. Чтоб у Игнахи да не ловились! Все в семье знают, что он родился в рубашке (так бабушка говорила), и даже когда все остальные мужики приходили из лесу или с реки с пустыми руками, Игнат приносил дичь и рыбу. Дашка показательно надулась, но в тот же вечер Игнаха принёс ей взамен русалочки махонького живого карасика, и этот карасик по кличке Федя целый год жил у Дашки в банке, подрос, отъелся, но потом она всё же выпустила Федю на волю обратно в пруд.

Был в Паутинке и Бог. Всё время был, даже когда Паутинки не было и весь мир, по словам бабушки, покрывали «воды изначальные». Дашка представляла их как непомерно разлившуюся по весне Дамбу. Потом-то воды схлынули, потому что Бог разделил сушу и твердь, и именно тогда, наверное, и образовались Дамба и Комёла, а посередине между ними сразу же «выросла» деревня Паутинка.

Бог обитал везде и во всём, и Дашка это точно знала. Он трепетал в листиках, тёк ручьями, благоухал цветами, жил в иконах, в небе, луне и звёздах, на земле и даже в самой Дашке, хотя непонятно, как Он, такой огромный, помещался в ней, такой маленькой. Дашка спрашивала об этом у мамы и бабушки, но они неизменно отвечали, что этого людям знать не дано.

Посещал Паутинку и Спаситель. Об этом даже стихи сочинили, и бабушка их Дашке не раз читала:

*Удручённый ношей крёстной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

Но, оказывается, в Паутинке жил ещё кое-кто, а Дашка до сих пор об этом не знала. Двоюродная бабушка Маня вчера на посиделках сказала Дашке, что в колодце сидит какой-то Мазега.

— Там сидит Мазега, Даша! Ты в колодец не заглядывай никогда! Вообще к колодцу лучше не подходи. А то откроешь крышку, посмотришь вниз, тут-то Мазега тебя схватит и к себе в Колодезное царство утащит!

«Застукала меня тётя Маня, когда я вчера в колодец глядела», — поняла Дашка. А вслух по-

обещала, что не будет ни подходить, ни заглядывать. Она всегда знала, что нужно сказать взрослым, чтобы они успокоились.

В Паутинке царила зима, и колодец стоял обледелый — и сруб, и скамеечки для вёдер покрылись толстой коркой наледи. Дашке нравилось, сняв варежку, голой ладонью гладить этот блестящий ледяной панцирь. Она знала сказку про Морозко и трудолюбивую падчерицу, уронившую в воду веретено, но о Мазеге в этой сказке ничего не говорилось.

«Какой же он из себя?» — размышляла Дашка в этот вечер перед сном. Мазега казался ей совсем молодым и красивым, высоким, чернобровым и черноволосым, как её многочисленные родные и двоюродные братья. Они тоже, бывало, летом во время купанья на Дамбе ловили Дашку на берегу и тащили на самую глубину, а там делали вид, что собираются утопить. Никакой глубины Дашка не боялась, убегать от братьев, а потом кататься в воде на их спинах ей очень нравилось. Всегда было очень весело, а братья ещё и хвалили, какая она смелая и как хорошо ныряет и плавает, лучше их всех.

Наверное, скучал Мазега там, в колодце, совсем один. Дашка представляла его восседающим на троне посреди пустынного ледяного зала, как во дворце Снежной королевы. Трон, конечно же,

был отлит из застывшей воды, и голову Мазеги венчала лучистая корона. Дашка думала-думала о юном царе Колодезного царства и заснула. В её сне Мазегу вёл по ледяным лабиринтам безжалостный Минотавр. Мазега почему-то шёл за ним покорно, как овца на убой. Пора было его спасать.

Проснувшись поутру, Дашка обнаружила, что дома никого из взрослых нет. Папа и Игнаха ушли на работу. Дашка выглянула в окно и увидела, что мама таскает из сарая сено для коровы Звёздки. А бабушка, наверное, в своей избе заканчивает обряды.

Пока никто не видит, надо сбегать до колодца! Вот только одеваться некогда, а то мама сейчас вернётся, и тогда вся затея бездарно пропала! Опять будут шпионить всей деревней, чтобы Дашка к колодцу не совалась.

Дашка в чём была — во фланелевой пижамке и с босыми ногами — выскочила на улицу. Только захватила деревянный меч, спрятанный под диваном. Она рассудила, что сбегает быстро, объяснит Мазеге, что её могут застукать, скорее познакомится, расскажет про Минотавра, пригласит Мазегу поиграть — и сразу домой! Замерзнуть за это время не должна! А если Минотавр, то она его мечом!

Снег немного обжигал ступни, но это было даже весело, если быстро-быстро переставлять

ноги. И следы на тропинке оставались смешные, будто огнём оплавленные. Дашка открыла крышку колодца и позвала:

— Мазега, вылезай! Не бойся меня! Я Дашка. Я тебя не обижу. Днём Минотавра тут нет! А ночью ты его бойся! Не ходи за ним! У меня много братьев. Давай знакомиться!

Мазега почему-то молчал. Наверное, как Хозяин леса, боялся застудить горло. И тогда Дашка решила спеть ему песенку собственного сочинения. Она запела прямо в колодец, отстукивая ритм деревянным мечом по льду:

*Выходи, Мазега!
Вокруг столько снега!
У нас тут зимушка-зима!
Избы все, как терема!
Будем вместе гулять!
Будем весело играть!*

Как раз в это самое время дядя Гриша, Дашкин отец, возвращался домой после смены на животноводческой ферме. Сначала он решил, что ему показалось, будто в деревне далеко и звонко по морозному воздуху разносится песенка, спетая детским голосом, подозрительно похожим на Дашкин. Дядя Гриша прислушался, охнул и резво пошёл к своему дому. У колодца он и увидел Дашку,

которая придумала для Мазеги уже целую серенаду, но Колодезный царь то ли был зазнайкой, то ли невероятным боякой — даже носа из воды не казал! Мог бы хоть рукой помахать!

Дядя Гриша на бегу стаскивал с себя фуфайку.

— Даша, отойди от колодца! — ещё издали крикнул он, а подбежав, подхватил дочь на руки, завернул в телогрейку. — Ты что тут делаешь? Без одежды! Ты же простудишься! Мама где? А бабушка?

— Папа, что ты кричишь? Всё испортил, — важно сообщила ему Дашка (она всегда разговаривала с отцом степенно и важно, копируя его собственную манеру). От мороза она уже посинела до того самого оттенка, что и наледь на колодце. — Уж тебя-то Мазега точно испугался. Теперь ни за что ко мне не вылезет.

Её трясло от озноба, но она крепилась, чтобы отец не заметил этой дрожи и не испугался ещё сильнее.

К вечеру вся деревня знала про Дашкины колодезные приключения. По такому случаю все старушки и три дедушки собрались на посиделки в дом к Дашкиным родителям. Рассевшись по скамьям и стульям, бабули занялись рукоделием, а деды у печки закурили. По кухне поплыли клубы дыма. Старушки за пальцами и спицами погрузились в сизое табачное море и оттуда

ворчали, что Дашкины мама и папа не следят за ней должным образом, что братья не воспитывают её, как надо.

Двоюродная бабушка Маня ругала ещё и саму себя за рассказ о Мазеге: сманила дитя на озорование! Её успокаивала родная бабушка Маня:

— Да полно тебе! Полно! Это же наша Дашка! Ей и не такое в голову взбредёт! Очень уж беготливая.

— Растёт одна, без ровесников, не с кем играть, братья все большие. Вот и озорует, как мальчишка. Что за девка? Хуже парней, — поддержала строгая соседка бабушка Лена.

— Хоть бы детский сад был, — подал от шестка голос дедушка Толя. — А так, что ж, конечно... Где уследить... Это ж надо! С мечом к Мазеге! — и сквозь хриплый кашель расхохотался. — Ну пацанка!

— Ох, ох, была раньше большой деревня, а теперь что? Одни мы, старики, остались. Одни-одинёшеньки посередь лесов, — вертела веретено бабушка Фая.

Дашка, густо намазанная медвежьим жиром для профилактики простуды, лежала на печке. Оттуда она наблюдала за бабушками и дедушками и думала:

— Что они такое говорят? Как это мы — одни-одинёшеньки? Вовсе мы не одни! Нас так

много в Паутинке живёт! Кого у нас тут только нет! Минотавра бы только прогнать... Он у нас тут лишний.

Она задремала, и сквозь клубы табачного дыма в красном углу под иконами подмигивал Дашке огонёк-маячок лампадки, а на полатах пересчитывал луковицы старый домовый. Иногда он сбивался со счёту и тогда хрипло, как дедушка Толя, кашлял, и на чём свет ругал и Минотавра, и зазнайку Мазегу за компанию.

Дюдя и золотинки

Повадился к Дашке в деревню дюдя летать. Обычно дюдю все рады: он деревьям — доктор. Если где-то червячок или личинка точат берёзу или яблоню, дюдя тут же их острым слухом, как радаром, засечёт, крепким клювом выдолбит в стволе дырочку и сожрёт вредителей!

Но нынче зимой дюдя деревья лечить отказался и подался в бандиты. Да и зачем ему стараться, если Дашка с бабушкой устроили под окнами дома шикарную птичью столовую. Подвесили на клёне круглую пластиковую хлебницу на верёвочках и стали в неё утром и под вечер насыпать семечки подсолнуха да комбикорм из зернодробилки. Рядышком на ветке пристроили кусочек сала. Как только открылась столовая, столько в неё крылатых гостей пожаловало! И все поют на разные голоса: кто чирикает, кто тенькает, кто свистит, кто шипит, кто и вовсе всегда молчит.

У Дашки для каждой пташки, кроме семечек да зерна, ещё и своё имя было припасено. Пока устраивали столовую, бабушка рассказывала, что когда Бог сотворил человека, он привёл к Адаму всех зверей и птиц, и каждой твари дал человек своё название, потому что отныне это была его обязанность — заботиться о братьях меньших: и кормить

их, и называть. «От Адама и до нас — завет: должны люди не только о себе думать», — пояснила бабуля, щедро насыпая семечек в хлебницу. «Ну, раз Адам был обязан, значит, и я должна», — решила Дашка.

Тенькающие птички с жёлтым пузиком стали у неё золотинками. Шарообразные птахи в ярко-красных нагрудниках — фонариками, а чирикающие невзрачные хулиганы, которые вечно ссорятся между собой — чикунами. Пёстрых рыжевато-коричневых птиц с голубыми пёрышками на крыльях Дашка назвала тётушками, уж больно важные и толстые они были! Как бухнутся в кормушку, так не то что хлебница, но, кажется, и клён ходуном ходит. Прилетала изредка и волшебная птичка, которая поражала Дашку своим талантом. Птаха умела вниз головой по стволу ползать туда-сюда, за что и стала именоваться акробатом. И только свиристелей переименовывать Дашка не стала, уж больно точное Адам подобрал для них название. Даром, что первый человек, вон как хорошо постарался!

Дюдя поначалу Дашке очень понравился: доктор, да ещё и такой красавец! На голове шапочка, штанишки красные, крылья с белыми нарукавниками! Но оказалось, что дюдя — жадюга. Сядет на сало и долбит-долбит, пока не наестся до отвала, а затем бегаёт по стволу дерева вверх-вниз и караулит, чтобы золотинки сало не клевали.

Как только пробует малютка опасливо присесть на кусок, так он к ней подлетает и бьёт, причём метит своим каменным клювищем либо в голову, либо в жёлтую грудку. Сам не ест, потому что в него не влезает больше, но и другим не даёт.

До чего дошло, стал он золотинок, чикунов и фонариков выгонять даже из кормушки с зерном и семечками, да так жестоко, как заправской бандит. Пробовала Дашка малых птах защищать и разбойника стыдить. Встанет под клён и поёт: «Дюдя — жадина! Жадина-говядина!» Золотинки да чикуны настолько к Дашке привыкли, что песен её не боялись и не только в кормушку прилетали, пока она дюдю отгоняла, но даже садились к ней на шапочку. Но пение на морозе не одобряла бабушка, да и не будешь же целый день под клёном стоять, как часовой.

Не осталось выхода! Нажаловалась Дашка на дюдю старшему брату.

— Ишь рэкети́р! — покачал головой Игнаха. — Надо его проучить!

— Он знаешь какой хитрый! Сразу от тебя улетит, — предостерегла Дашка.

— Ничего, — рассмеялся Игнаха. — Выпишем мы ему лекарство от жадности. Кли́н кли́ном вышибают.

И на сливу в отдалении повесил брат второй кус сала. Дюдя обезумел. Пока на клёне сидит —

малыши на сливе сало едят, и дюдя рвётся к ним, второй кус тоже себе заграбастать хочет. Пташки тут же возвращаются на клён, здесь сальцем лакомятся или семечками из кормушки! А дюде это нож по сердцу! Несётся, как боевой истребитель, с клёна их гонит, а они тут же — обратно на сливу! До того бандит устал мотаться за крылатками туда-сюда, что сел на землю, безучастный, и долго под кормушкой печалился, а потом, посрамлённый, сбежал в сумерках в лес за Паутинку.

Вечером пришли к бабушке на посиделки паутининские жители, старички да старушки. Ста-ла им Дашка рассказывать, как Игнаха дюдю про-учил, и все смеялись, кроме строгой тётушки Лены (настоящей тётушки, без крыльев). Заворчала она:

— Что эта девчонка говорит? Дюдя, золотин-ки, чикуны — неужто простых названий для птиц не знает? Ничего у ней не понятно, а ведь пять лет ей уже! Ходила бы в садик, как другие ребятишки, всё бы знала!

Однако никто тётушкино ворчанье уже не слу-шал, потому что не только люди, но даже дюдя всё отлично понял.

Сказка для завёртыша

Приклеилось к Дашке ласковое прозвище «завёртыш»*.

Слово это приезжему человеку непонятно, а местному, деревенскому, сразу всё о Дашке рас-скажет: значит, ребёнок — непоседа, сладу с ним нет, но зато ловкий и к работе охочий! И верно, вез-де Дашка успевает: на сенокосе подгрести остатки сена, когда валки в копны складывают, — это запросто-пожалуйста! Дед Веня даже грабли ей сделал лёгкие, невысокие, под Дашкину руку. За грибами, за ягодами с отцом и братьями пойти — всегда гото-ва! И в лесу никогда не пожалуется ни на комаров, ни на усталость, ни на промокшие или стёртые ноги. Ягод наберёт больше взрослых баб, а грибов — больше мужиков. Братья смеются: «От Дашки жи-вым ни один боровик ещё не уходил!»

Помочь маме бельё развесить — тут Даш-ку и просить не надо! Ей уже одиннадцать лет, и она сумеет развесить неповоротливые громозд-кие простыни и пододеяльники, будто пудовые от воды банные махровые полотенца. Бельевые верёвки натянуты в тополином углу в огороде,

* Завёртыш (диал.) — деревянная задвижка для окон и дверей. В переносном смысле завёртыш — непосед-ливый, но ловкий в работе ребёнок или подросток.

где деревья, старые и молодые, поднимают вверх свои кроны и сплетаются ими, образуя шатёр из ветвей, летом да весной — зелёный, осенью — разноцветный, зимой — белый. И Дашка приходит в этот шатёр, как в гости к друзьям. Каждое дерево здесь для неё — товарищ.

Закончив работу, ко всякому тополю Дашка подойдёт, поздоровается, а рядом с тополями растёт её любимица — тонюсенькая черёмуха. По весне она, как невеста в белой фате, а ближе к осени наряжается в тяжёлые вдовьи серьги — сгибают её ветви грозди крупных и сладких чёрных ягод. Один из молодых тополей так над черёмухой склоняется, что Дашке чудится, будто хочет он подругу свою заслонить-сберечь от какого-нибудь врага. И кажется ей, что это влюблённых, жениха с невестой, заколдовали и обратили в деревья злые волшебники.

Набралась как-то Дашка смелости и рассказала о своём подозрении старшему брату Игнахе. Было это той поздней весной, когда ручей за колодцем уже перестал звенеть, как оглашённый, а начал лишь тихо бубнить что-то себе под нос, когда предвестник белых ночей — бледный месяц — по долгу не уходил по утрам с неба. Игнаха с утра готовился к вечерней вальдшнепиной тяге * и рубил

* Тяга — перелёт птиц в брачный период.

пыжи из старого валенка на крыжике у крыльца. Думала Дашка, засмеёт её брат, опять отмахнётся, скажет: «Завёртыш! Не путайся без дела». Не стал Игнаха дразниться почему-то, отложил в сторону недорубленное на пыжи голенище, посмотрел на черёмуху в белом облаке и кивнул:

— Может быть. Помнишь мультик? Там Баба-яга детей у Василисы тоже в клёны превратила *. А в нашу-то черёмуху, Дашка, месяц влюбился.

— Как это? — удивилась Дашка. — С чего ты взял?

— А вот так. Вон, видишь, с неба не уходит, — брат пыжерубкой ** указал на бледнеющий за крышей избы серп. — Ревнует. А признаться — кишка тонка. Небесный житель. Куда уж ему до земных-то парней-тополей. Вот они какие — бравые!

И тут Игнаха прочитал нараспев:

*За рекой, за лесом солнце подымается,
Юная заря светом умывается,
И сестрица-ночь утром спать уходит,
Звёздный хоровод за собой уводит.*

* Имеется в виду мультфильм «Два клёна» (1977 год, режиссёр Анатолий Солин) по одноимённой пьеске сказки Евгения Шварца.

** Пыжерубка — стальная полая трубка, слегка заострённая с одного конца, для рубки пыжей.

*Только братец-месяц в небе задержался
И почти за полдень в нём бледнеть остался.
Всё смотрел, как тополь милую целует,
Белую черёмуху братец-месяц любит.*

*И бледнеет искренне, и сказать боится,
Хотел в чёрном омуте ночью утопиться.
Но вода тяжёлая не для лёгкой тени,
Лунная дорожка — в дом к нему ступени.*

— Чьи это стихи, Игнаха? Есенина? — спросила Дашка, думая о том, что и в самом деле по ночам месяц отражается в Дамбе за деревней, будто пытается уйти на дно запруды диковинной рыбой. С вальдшнепиной тяги Дашка всегда вместе с Игнахой возвращалась по берегу. Всякий раз она любовалась серебряной лодочкой месяца, плывущей по тяжёлым волнам, чёрным от торфяного болотного осадка.

— Скажешь тоже — Есенина... — покраснел почему-то Игнаха.

Вспомнила Дашка и о том, что в эти выходные из Вологды приезжала давняя Игнахина зазноба — Люба. Она не деревенская и из города лишь в субботу-воскресенье наведывается к своей бабушке. Ходили Игнаха и Люба вместе в клуб на дискотеку в соседнюю деревню, а когда вернулись, долго сидели у колодца на скамеечках

для вёдер и о чём-то тихо беседовали. Потом Игнаха Любку свою провожал и букетище черёмухи размером с банный веник ей подарил.

— Игнаха, а ты сам-то когда своей Любке признаваться будешь?

— Завёртыш! — заорал вдруг Игнаха не своим голосом. — Чего без дела-то слоняешься?! На-ка вот, руби пыжи! На тягу нам вечером. Опять все патроны у меня расстреляешь. А я пойду поро-сёнка накормлю.

И засадил завёртыша за нехитрую земную работу.

Дашкины куклы

Семья собралась за праздничным столом на закате летнего дня и на закате советской эпохи, чтобы отметить шестилетие Дашки.

В честь этого события прабабушка Таня торжественно при всей семье перевернула листок календаря. И случилось обыкновенное чудо: только что значилось вчера — десятое июля, но перевернули листок, и наступило сегодня — одиннадцатое июля 1989 года, когда Дашке исполнилось шесть лет.

Маленький перекидной численник висел на столбе под навесом летней кухни. Только баба Таня имела право переворачивать его страницы. Она не отрывала их и не выбрасывала в мусор, а бережно прятала листочки под закреплённую поперёк календаря резинку, будто хотела каждый день спрятать в богатые кладовые своей памяти.

Хранительница времени вершила этот ритуал ежедневно. Почти столетняя, она помнила революцию семнадцатого года и войны — Первую, Гражданскую и Отечественную, песни вольных станиц и рядом живущих кавказских народов, знала, кто кому приходится роднёй, другом или кровным врагом. Она держала в памяти неисчислимое количество народных способов лечения от всех

болезней, а также тысячи рецептов самых разных блюд, варений и солений, и, несмотря на почти век, прожитый на земле, по-прежнему оставалась весёлой и бодрой.

Внуки и правнуки считали, что баба Таня очень красивая, но если бы их попросили объяснить, в чём именно её красота заключалась, они не смогли бы. В их восприятии она уже при жизни постепенно превращалась в богиню-прародительницу, у которой все черты стираются под пылью прожитых лет и остаются в памяти потомков лишь самые-самые яркие детали — инсигнии* её особого положения.

К примеру, баба Таня носила смешной платок. Она завязывала его так, что вверху на голове торчали кончики углов: не то рожки, не то корона... И Дашка смеялась и просила: «Баба Таня, ты — корова! Забодай меня, забодай!» И баба Таня говорила «Му!» и охотно делала вид, что забодает, будто было ей не девяносто восемь лет, а шесть, как Дашке...

Вместе с родителями и старшими братьями Дашка впервые совершила двухдневное путешествие с севера на юг, из малюсенькой деревеньки в Вологодской области в Предгорья Кавказа, в пыльный, прожаренный солнцем городок, род-

* Инсигнии — внешние знаки могущества, власти, сана или особого положения.

ной для её отца, дяди Гриши. Всё здесь казалось Дашке одновременно и необычным, и родным, даже людская речь.

Баба Таня говорила на русском, но, если было нужно, легко переходила на украинский. Опытный лингвист нашёл бы в её говоре слова из фарси, лезгинского и, конечно, кубанской балачки*. Разница в диалектах не мешала правнукам, приехавшим издалека, с Севера, понимать её. «Балакать дитки можэ й ны балакають, а вжэж мене понимают!» — рассказывала баба Таня соседкам.

В северной деревне говорили, протяжно окая, а тут — акали. Смешно для слуха северян звучало звонкое «Хала-а-а», когда звали Дашкину тётю Галю. И, в свою очередь, забавно было южанам слышать от Дашкиной матери певучее и по-женски хлопотливое: «Баушка Таня, мОлО-кО-От в дОм Отнести? ПОлОрОтОй у нас Игнаха-тО оставил опЕть на жаре, банка в летней кухне От утра стОит».

Дома речь Дашкиного отца соседи и знакомые называли слишком громкой. «Чего ты орёшь-то, Гриша?» — строго спрашивали его. И каждый раз отец вынужденно пояснял: «Да не ору я! Просто на Кавказе родился. У нас там все громко говорят. Южная глотка!» Здесь его «южная глотка»

* Кубанская балачка — диалект жителей Кубани.

звучала не громче, чем у остальных, отцовский голос вливался в общий хор, как ручеёк в гремющую горную реку.

В северной деревне фрукты были редким лакомством, а тут, как выйдешь из хаты, попадаешь в огромный сад, где с утра баба Таня отберёт самые вкусные, самые спелые плоды для вологодских правнуков: абрикосы, персики, сливы, алыча — ешь, сколько хочешь!

Дыни и арбузы напоминали Дашке хорошо откормленных поросят, лежат на бахче насытившиеся краснодарским солнцем, того гляди, захрюкают от довольства. Яблоки разных сортов соревновались друг с другом в красоте и разнообразии вкусов. Помидоры от спелости распадалась на две мясистые половины, казалось, раньше, чем коснётся их нож, от одного вида острия истекали со страху сладким соком... Разве сравнишь их с вологодскими кисловатыми заморышами, с трудом выращенными в парниках и теплицах? Сегодня вечером Дашкина мама резала помидоры к праздничному столу по-северному бережно, мелко, аккуратно, по привычке экономя.

— Дочка, режь — не жалей! — ласково приободрила её баба Таня. — Не хватит — ещё с огорода принесу.

Дашкина мама, потомственная вологодская крестьянка, никогда не покидала свою деревню

надолго. Всего несколько раз она согласилась сопровождать мужа на его родину, потому что здесь чувствовала себя плохо. Она будто засыхала от жары, словно хрупкий лесной цветок-звездчатка — северный, нежный, вольный — и вдруг оторванный от своих корней.

Дашку оглушающая жара не пугала. Южный мир поначалу ошеломил богатством звуков, красок, вкусов, новых ощущений, а потом стал своим по таинству общей крови, по велению генетической памяти.

Она подружилась с горной рекой Пшиш, куда вместе с отцом и братьями ходила рыбачить. Как быстро нёсся этот поток! Его буруны Дашка про себя называла «речные кони». Вовсе не такой характер был у привычной северной Комёлы. Да, в ней тоже встречались говорливые перекаты, а на Пшише тоже можно было найти тихие омуты. Однако две милые Дашкиному сердцу реки разительно отличались друг от друга. Ко-мё-ла — три неспешных холодных глотка, Пшиш — камень ударяется о галечный пляж, выброшенный течением. Дашку не вытащить было из моря, но всё же Пшиш она любила гораздо сильнее.

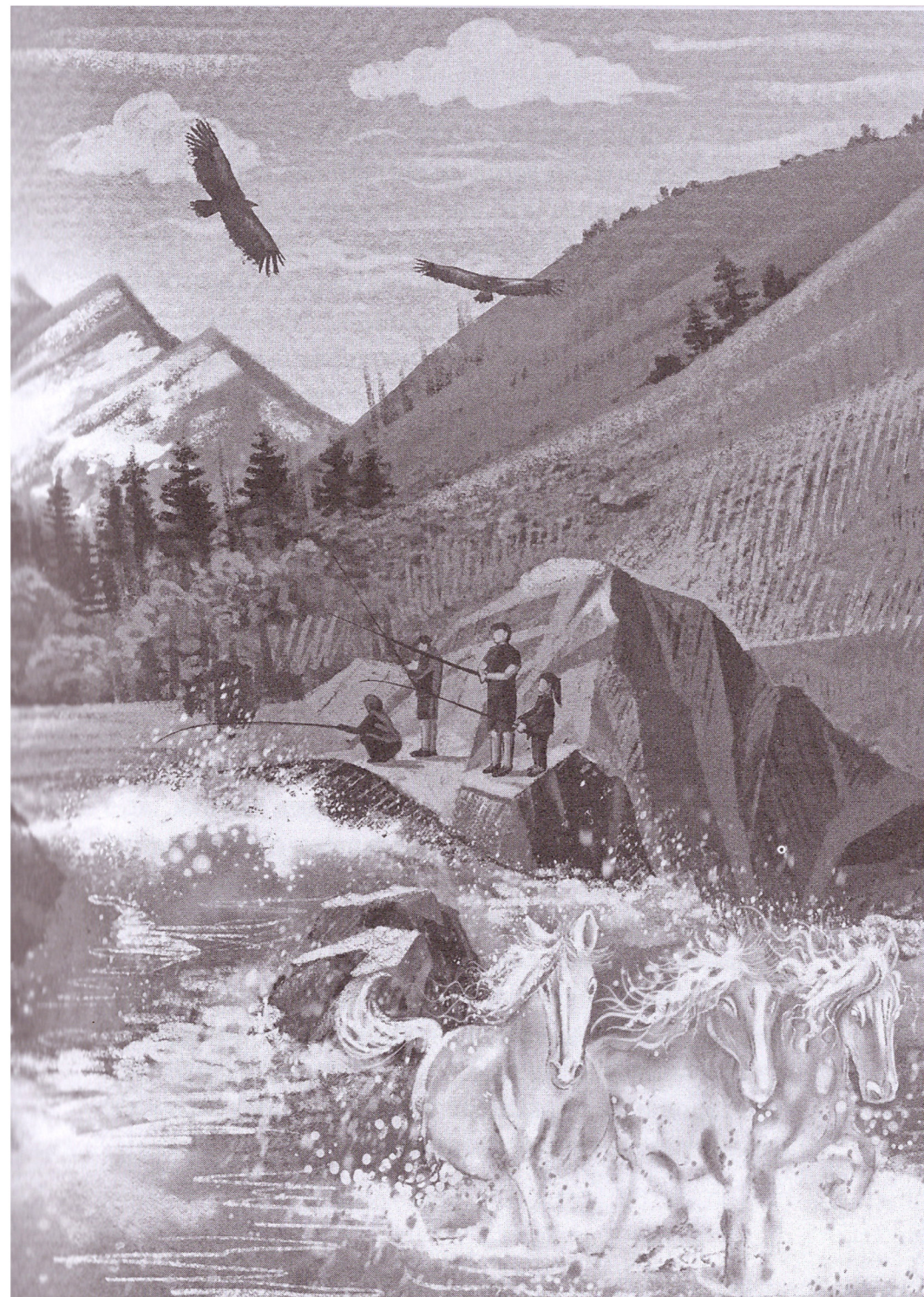
Она обожала и улочки маленького городка, зажатога скалами в каменную пригоршню. Дашка легко нашла общий язык с многонациональной

ребячьей компанией. Кого тут только не было! Чеченцы и адыги, курды и армяне, грузины и азербайджанцы! Дети мешались в одну общую весёлую и хулиганистую ораву, и здесь Дашка быстро стала мини-знаменитостью благодаря многочисленным её проказам.

Так, все ребяташки знали, что она поймала соседского гуся. В Дашкиной деревне гусей никто не держал. Их как добычу приносили с охоты старшие братья. Дашке рассказывали, что гуси — птицы перелётные и зимуют на юге. «Так вот где они живут!» — решила Дашка, заметив как-то раз гусиное стадо во время рыбалки. Упускать шанс поохотиться, как братья, она не собиралась. Правда, ружья у неё с собой не было, но зато была удочка.

Дашка нацепила на крючок несколько крупных червей и закинула их в самый центр гусиного стада. Птицы загоготали, крылья расправили, но почему-то червей не схватили, а угрожающе двинулись всей ватагой в сторону Дашки. На первый раз пришлось спастись бегством.

Сдаваться Дашка не собиралась. Вместе с удочкой она спряталась за большим валуном, а аппетитный пучок червей на леске выложила на виду у птиц. Ждать пришлось не очень долго. Вскоре молодой гусак заинтересовался угощением и попался.

О, как он кричал! Как кричало всё гусиное стадо! Как кричал отец, рыбачивший рядом, когда на шум прибежал посмотреть, что случилось! Как богатырски гоготали Дашкины старшие братья, выслушав её рассказ об удачной охоте! Как громко этим же вечером ругалась-кудахтала соседка тётя Катя, владелица гуся, несмотря на то, что ей заплатили за добытую Дашкой птицу! Впрочем, с ней быстро помирились и даже пригласили на Дашкин день рождения.

Одиннадцатого июля Дашку старались далеко от хаты не отпускать, а то, не ровён час, опять с ней какая-нибудь история приключится. С утра баба Таня приготовила для правнучки любимое кушанье: протёрла адыгский творог с сахаром через сито и подала с домашней лепёшкой. Дашка проснулась в этот день поздно, и вся остальная семья уже давно позавтракала.

— Бабуля, а что, чёрного хлеба опять у нас нема? — привычно поинтересовалась Дашка, которой на юге нравилось всё, кроме одного: здесь не было привычного ей ржаного «чёрного» хлеба, а только пшеничный, да ещё лепёшки, пироги, вареники и лаваш.

— Нема! Из Вологды покаместь не привезли; — так же привычно, как паролем на пароль, отозвалась баба Таня. Этот диалог происходил между старой и малой каждое утро, и обе получали удовольствие от этого постоянства.

Вечером за богатым праздничным застольем для Дашки зажгли шесть свечек не на пироге, а на буханке чёрного хлеба, найденного с трудом в каком-то маленьком магазине в Туапсе. И казался северянам на юге этот хлеб слаще торта. Впрочем, и торт для Дашкиных гостей из числа местной ребятни тоже испекли.

Рассматривала Дашка подарки. Старший брат Игнаха, недавно отслуживший в армии, подарил ей книгу охотничьих рассказов о животных и птицах. Смеясь, сказал, что и про гусей там истории есть весьма поучительные.

Второй старший брат Саня купил новую удочку, бабушка Люба — костюмчик с шортами, родители — кепку и сандалии, тётки и сёстры — кучу игрушек, а соседка тётя Катя принесла иностранную куклу.

Тётя Катя работала в санатории для интуристов, и у неё водились кое-какие импортные вещи. Вот и кукла была нездешней красавицей — длинноногая, с осиной талией, с грудью, как у взрослой девушки, с длинными волосами, в ярком, сложного кроя платье и туфлях на высоком каблуке. Вместо пояса у куклы был впечатляющих размеров розовый бант и точно такой же, но поменьше украшал причёску. Дашка озадаченно повертела этот подарок в руках и принесла его брату.

— Игнаха, а это кто?

— Сейчас посмотрим, — брат неловко вертел изящную девушку в своих огромных крестьянских руках в поисках этикетки, на которой должны бы на фабрике указать имя куклы.

— Та цэ ж Барби! — воскликнула тётя Катя. — Американская кукла. Не слышала ты, Даша, о такой?

— А за кого же она воевала? — растерялась именинница. — За американцев? Как Джеймс Кеннеди? *

— Что ты, деточка! Зачем же ей воевать? Она же девочка! — удивилась тётя Катя.

— Зина Портнова тоже была девочка, — не сдавалась Дашка. Она поблагодарила за подарок, повертела куклу в руках и тут же потеряла к ней всякий интерес. Сунула Барби почему-то не матери, не бабушке, не тёте, а брату Игнахе и убежала играть к своим гостям-ровесникам.

Дядя Гриша кивнул на сына.

— Это всё Игнаха. Расскажи-ка, в какие куклы у тебя сестра играет.

Игнаха покраснел. Все ждали какой-то весёлой истории, но он с грустным видом нехотя перечислил:

* Джеймс Кеннеди — герой популярной джазовой песни времён Великой Отечественной войны о капитане английского эсминца. Музыка (обработка) Николая Минха, слова Соломона Фогельсона.

— Ну, Зина Портнова у неё есть. Генерал Карбышев. Мересьев. Римма Шершнева. Лётчик Преображенский.

— Одни герои! — ахнул кто-то.

— Понимаете, однажды отец привёз Дашке куклу из Ленинграда, — покраснев, начал объяснять Игнаха. — И куклу звали тоже Дашка. Она в школьном платье была. Уж так Дашка эту тётку свою полюбила! В школу ведь всё собирается. А у меня Травка, лайка, с которой на охоту сейчас хожу, щенком тогда была. Зубки резались у неё, и Травка грызла всё подряд, не уследил я за щенком, и отгрызла она...

Игнаха сделал паузу и посадил Барби чуть не к себе в тарелку, так что длинные её юбки едва не запачкались салатом. Игнаха собрался с духом и выпалил, будто признаваясь в преступлении:

— В общем, обе ноги почти по колено, как косой срезала. Случайно так получилось. Дашка и давай рыдать, как сумасшедшая. Будто не кукла, а человек без ног остался. Родителей дома нет. Что делать, не знаю! Надо было мне как-то её успокоить. Ну, я и ляпнул: «Даша, Мересьев вот был без ног, а и то не плакал!» И рассказал про его подвиг. С тех пор у Дашки стала эта кукла Мересьевым. Ну а потом уже мы её подстригли по-солдатски, и даже форму бабушка ей сшила.

— А Карбышев как у вас появился?

— Ну, тут уж не я, тут Дашка сама виновата, — махнул рукой Игнат. — Осенью играла куклой на улице. Купала её в тазу, да и забыла там на ночь. А ночью — заморозки. Кукла в лёд и вмёрзла. Опять Дашка давай рыдать на всю деревню, как оглашённая! Пришлось про Карбышева рассказать. У другой куклы глаза закатились внутрь черепа. Сломалось что-то, видно, брак заводской, что ли. Стала Зиной Портновой. А про остальных Дашка сама уже стала спрашивать. Купят ей куклу, а она ко мне с ней: «Что за герой?» Пришлось про каждую придумывать.

— Вот так и играет теперь, — развёл руками дядя Гриша. — То у неё Мересьев через лес ползёт, то Римма Шершнева на амбразуру идёт, то Преображенский летит Берлин бомбить. Не то куклы, не то войнушка.

— А для Преображенского я такой классный самолёт смастерил! Из дерева, на колёсиках, — неожиданно похвастал Игнат и опять покраснел. — А Римма Шершнева и так медсестра была. Ну, одежда у ней фабричная такая, медсестры, и даже аптечка к ней прилагалась.

— Плохо это, когда дивчина не в девичьи игры играет. Ей ведь не на войну. Ей замуж, матерью быть, — покачала головой тётя Катя, несколько

обиженная, что её подарок не пришёлся по вкусу Дашке. — И забавы у неё... странные. Надо же: гуся на удочку поймала!

— Зато смекалка какая! Поняла ведь, как добычу взять, — бросился на защиту сестры Игнаха. — А что про героев ей рассказываю, так, может, ей хоть в школе легче будет историю учить.

Повисла неловкая пауза. Спорить с соседкой никто не хотел, но беседа как-то сама собой на время смолкла.

— Ох, тудить же растудить эту историю... — вдруг махнула рукой бойкая бабушка Люба, дочь бабы Тани и мать дяди Гриши. — Она и сама-то нами играет, что те девчонка куклами. Мы вот на войну идти не хотели, да она сама к нам пришла. Не разбирала, женщины ли, мужчины ли, дети. Как начались тут у нас бои, так разом все мы на войне и оказались.

— А что вы, женщины, делали, баушка? — спросил Игнат. — И лет тебе тогда сколько было?

— Пятнадцать-четырнадцать. Мы в горы ушли, тут-то такие бомбёжки были, что никому не уцелеть. Потом уж узнали, что в хату нашу фрицы с самолёта бомбой попали, воронка от неё одна осталась...

— Фотокарточки, — эхом отозвалась баба Таня. — До сих пор себя корю. Ничего не жаль, кроме фотокарточек, в хате они остались, не успела

забрать. С прадеда вашего и с родителей моих. Отец мой, Иван, такой гарный был казак! На фотокарточке — на коне, с Георгиевским крестом! Не увидеть уж вам его, диточки.

— А потом наши фашистов отбили, — продолжила рассказ баба Люба. — Надо артиллеристам позиции занять, а как орудия, как пушки, зенитки в горы поднять? Бойцы одни ни за что бы не справились. Попросили помощи у людей. Всем миром орудия наверх мы закатывали. И я катила, и баба Таня, и прапрабабушка ваша Ганна, а брату Андрею четыре годика тогда было. Баба Ганна к тому времени полная сделалась от возраста, еле шла за орудиями, падала часто, так Андрей тянет её за руку, чтоб вставала, подбадривает: «Ты, баба Ганна, вставай! Давай, под колёса толкай! Скоро немца разобьём». Потом и укрепления помогали строить.

— Там в горах ты и с дедом познакомилась? — уточнил Игнаха то, о чём и так знал из рассказов родителей.

Старшие Дашкины братья, заядлые охотники, и здесь на юге не смогли устоять перед своей страстью: они уже не раз наведались в лес, густо покрывавший горы. Там они находили то остатки укреплений, то гильзы от снарядов и мин, то патроны, то скромные могилы погибших бойцов. И сама собой появлялась, тревожила, зудела,

как бьющаяся жилка на виске, мысль: «Вот и дед наш тут воевал. Слава богу, не под этими камнями остался, а то и нас бы на свете не было».

— Да, диточка, — привычно подтвердила бабушка Люба. — Хорошим артиллеристом дед ваш был. Призвали его из Вологодской области, а вот, гляди-ка, куда война забросила. В горы. Он их отродясь не видывал, я на севере не бывала, а тут мы оба и судьбу свою нашли.

— А моя мать в Адлере аэродром строила *, — вдруг отозвалась тётя Катя. — Всего-то и техники у девчат было — кирка да лопата, а ведь построили, и двух месяцев не прошло. Потом медсестрой в госпитале работала. Один раз сдавала кровь для хлопца, откуда-то с Алтая он родом был, обожжённый весь. И совсем уж будто ему полегчало, а потом умер, такая боль от ожогов была, что сердце не выдержало... До сих пор мама хлопца того вспоминает...

За столом опять воцарилась непраздничная тишина, которую нарушали лишь крики ребятишек, игравших на улице в мяч.

— Помянем, — предложил дядя Гриша. — Всех павших героев разом.

* Военный аэропорт в Адлере был построен в 1941 году за 50 дней силами местного населения. В строительстве принимали участие в основном женщины, подростки и старики.

Так и сделали — не чокаясь, выпили виноградного домашнего вина. Почему-то горьким вдруг показалось оно Игнахе. Грянули женщины песню «У нас Настя чернобровенька»: хотелось им отгородиться этой беззаботной мелодией от нахлынувших воспоминаний.

Прибежала раскрасневшаяся от игр Дашка, попросила воды. Тётя Катя подозвала её и указала на Барби, так и сидящую на столе возле тарелки Игната:

— Даша, куклу эту Гала Петрова * зовут. Медсестрой она была. У посёлка Героевка десантников из боя выносила. В Туапсе с папой поедешь, там улица Галы Петровой есть. Так это в её честь...

В этот вечер семья и гости долго ещё пировали, беседовали, пели песни, а потом южанка-ночь стремительно накинула траурный платок и на горы, и на улицы, и на само время, укрыла в обманчивой мгле прошлое и будущее.

Из этой ночи не видно было ни грядущего развала великой страны, ни новых войн, что совсем скоро начнутся на Кавказе, ни имён Дашкиных ровесников, которым суждено будет погибнуть в этих войнах. Лишь звёзды, безучастные

* Герой Советского Союза Галина Петрова погибла, спасая раненых при высадке десанта в районе посёлка Эльтиген (Героевка).

к людскому горю и радости, сияли в вышине. Сколько государств родилось и погибло под их светом? Сколько людей? Что им, вековым, до этой суетной круговерти внизу? И бледными копиями звёзд летали светлячки вокруг лампы под навесом летней кухни.

Перебивая стрекот цикад, Игнат новую сказку сочинял для задремавшей сестры, врал ей напропалую, что светлячки — это души павших воинов, мол, стремятся они на небо, но никак не решатся проститься с родными, не могут досыта налюбоваться мирной красотой цветущей земли...

Содержание

И сердце неймёт3

Животинки из Паутинки

(заметки о животных)

Гогона и надолоба 10

Улыбнитесь: вылетит птичка! 13

Воробьишка Тишка 17

Дразнятся дрозды 20

Переполюх в клубничнике 22

Наташа vs Вега 27

В честь Пика 29

Цирк малиновый 39

Кошачий ОМОН 52

Коты-летуны (бухтина завиральная) 56

Мэнсон и времена года 59

Ничего особенного 72

Прогулка 76

Вместо эпилога 78

Дашкины рассказы

Дашкин каравай 82

Мазега 91

Дюдя и золотинки 106

Сказка для завёртыша 111

Дашкины куклы 117

Литературно-художественное издание

Мелёхина Наталья Михайловна

Животинки из Паутинки

Художник

Леонтьева Надежда Геннадьевна

Подписано в печать 10.04.2024. Формат 70×100/32

Усл. печ. л. 5,53. Тираж 1000 экз. Заказ № 1112

ООО «Древности Севера»

160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48

Тел. +7 (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru

URL: <http://drevnostisevera.ru>

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграф-Периодика»

160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3

Наталья Мелёхина — прозаик, критик. Родилась в Грязовецком районе Вологодской области. Окончила факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства Вологодского государственного педагогического университета. Публиковалась в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Наш современник» и других. Автор сборников рассказов «Железные люди» (2018 год), «Перевал Волкова» (2021 год), а также книг о Героях Советского Союза «Александр Панкратов» (2018 год) и «Сергей Орешков» (2024 год). Лауреат Международного литературного Волошинского конкурса, премий имени Б.М.Пидемского, имени Д.М.Балашова, имени Фёдора Абрамова «Чистая книга». Член Союза писателей России.

ISBN 978-5-93061-213-4

